

НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 120

ВОЙНА, КОТОРУЮ НЕ ОБЪЯВЛЯЮТ

*К 100-летию окончания
Гражданской войны в России*

МОСКВА ■

2022

Н62

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий.

Война, которую не объявляют». К 100-летию окончания Гражданской войны в России.
Выпуск 120 — М., 2022 — 56 с.

Когда началась Гражданская война в России? *Гражданскую войну не объявляют, страна в неё вползает.* Её начало — длительный исторический процесс, процесс втягивания, вхождения в войну. Так же как гражданские войны не прекращают официально, не заявляют об их окончании. Отсюда, по мере осмысления событий, в отечественной историографии смещены даты Гражданской войны. До недавнего времени годами войны принято было считать 1918–1920-й. В настоящее время — осень 1917–1922 гг.: серьёзные очаги сопротивления Советской власти начинаются именно осенью 1917 года. «Как это всё случилось?..».

Тема заседания Никитского клуба «**Война, которую не объявляют. К 100-летию окончания Гражданской войны в России**» вызвала большой интерес. Как свойственно в междисциплинарном собрании, в обсуждении докладов историков Ю.А. Петрова и С.А. Экштута приняли участие представители разных дисциплин. «Вот чем меня привлекает Никитский клуб — встретишься здесь и с коллегами из институтов управления, и с архитекторами, и есть возможность поговорить на свои вроде бы профессиональные темы, но они оказываются всем интересны» (Ю.А. Петров, директор ИРИ РАН).

ББК 63.3(2)612

Г 756

© Московская Биржа, 2022

© Никитский клуб, 2022

Заседание

Война, которую не объявляют

К 100-летию окончания Гражданской войны в России

24 ноября 2022 г.

Участники обсуждения:

Бортко Владимир Владимирович, режиссёр, сценарист, народный артист России

Булдаков Владимир Прохорович, главный научный сотрудник Центра изучения новейшей истории и российской политологии Института российской истории РАН, доктор исторических наук

Виноградов Андрей Владимирович, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, доктор политических наук

Гнездилов Андрей Леонидович, соучредитель архитектурного бюро «Остоженка», член-корреспондент РААСН

Горелик Александр Семёнович, эксперт по международным организациям

Дементьев Виктор Евгеньевич, руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН

Егеров Сергей Викторович, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, кандидат психологических наук

Кузнецов Олег Петрович, главный научный сотрудник Института проблем управления РАН, доктор технических наук, профессор

Механик Александр Григорьевич, обозреватель журнала «Эксперт»

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, ГБОУ «Пушкинский лицей»

Петров Юрий Александрович, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук

Привалов Александр Николаевич, вице-президент, председатель Совета Никитского клуба

Привалова Мария Александровна, директор ЦУНБ имени Н.А. Некрасова

Рахматуллин Рустам Эврикович, эссеист, историк, москвовед

Ремизов Михаил Витальевич, президент Института национальной стратегии, кандидат философских наук

Трояновский Алексей Маркович, заместитель директора Института физических проблем РАН имени П.Л. Капицы, кандидат физико-математических наук

Устюжанина Елена Владимировна, руководитель отделения макроэкономики моделирования региональных систем ЦЭМИ РАН, профессор РЭУ имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук

Чернихов Андрей Александрович, руководитель Архитектурно-дизайнерской мастерской Андрея Чернихова, профессор Международной академии архитектуры (IAA)

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», писатель, доктор философских наук

Заседание ведёт **А.Н. Привалов**

А.Н. Привалов, вице-президент, председатель Совета Никитского клуба

Добрый вечер, господа. Позвольте мне открыть очередное заседание Никитского клуба. Сегодня тема нашей встречи сформулирована так: «Война, которую не объявляют. К столетию Гражданской войны в России». Тема, к сожалению, чрезвычайно актуальна не только в силу юбилейности, но и по окружающим нас обстоятельствам.

А.Н. Привалов

Поскольку мы с вами имеем удовольствие присутствовать на одной из крайне немногих оставшихся на планете площадок, где ещё помнят смысл выражения «свобода слова», я не расспрашивал наших уважаемых докладчиков, о чём будут их сообщения, не готов предвещать их никаким образом, кроме одного, к сожалению, довольно простого соображения: эта тема стала актуальна независимо от нашей воли. Гражданские войны — это одно из бедствий, хуже которых придумать нельзя. Но они случались уже не один раз на Земле, и за эти многие случаи стало, к сожалению, понятно, что её не только не объявляют, её не очень понятно, как заканчивать.

Все здесь собравшиеся несомненно помнят, что нам долгое время ставили в пример испанцев и американцев, которые тоже были вовлечены в страшные, не менее страшные, чем наша, гражданские войны, но как-то из них же выползли по-человечески, как-то национально примирились. Вот такая долина памяти в Испании [монументальный комплекс «Долина павших» недалеко от Мадрида]; такое взаимное почитание, дающее спокойствие в Соединённых Штатах Америки, — памятники деятелям обеих сторон, вот так всё хорошо и гладко завершилось, хотя, казалось бы, такой ужас. Но за последние годы выяснилось, что эти примеры оказались не такими уж примерными. Оказалось, что национальное примирение вслед за гражданской войной ни в Испании, ни в Соединённых Штатах Америки фактически не произошло. Стоило немного поменяться политическим обстоятельствам — в случае с Испанией совсем чуть-чуть поменяться, — как всё посыпалось, как пошли давние войны довоёвывать.

Я это к тому говорю, что это задача, наверное, какой-то надчеловеческой сложности. И нам над ней надо думать. Потому что те события, в которые наша страна, наш народ, мы все включены сейчас, являются — не скажу, что полностью, это было бы глупым преувеличением, но в значительной степени являются отголосками, а то и прямым продолжением тех страшных событий, которые мы сегодня вспоминаем по поводу их столетия. Как-то надо стараться из этих тупиков выходить, хотя, повторяю, это оказалось неимоверно сложно.

У нас сегодня двое докладчиков. Насколько я понимаю, они договорились действовать попросту — по алфавиту. Правильно? Поэтому первым нашим докладчиком будет Юрий Александрович Петров, я не думаю, что его надо представлять вообще, тем более в этой аудитории. Пожалуйста!

Ю.А. Петров, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук

Ю.А. Петров

Благодарю, Александр Николаевич. Уважаемые коллеги, тема, которой сегодня мы касаемся, если не кровотокающая, то ещё весьма горяча. И по поводу того, есть ли какие-нибудь грани Гражданской войны, — всё-таки одна, наверное, есть. Ровно месяц назад, в конце октября, я был во Владивостоке, где была конференция, посвящённая окончанию Гражданской войны. А дата вполне определенная есть: 25 октября 1922 года из порта Владивостока вышла японская эскадра и белогвардейские корабли, перевозящие противников красных в эмиграцию. В общем, такая дата есть. И конечно, нельзя забывать ещё одну важную дату, которая прямо вытекает из первой, — образование Советского Союза буквально через два месяца после окончания Гражданской войны [30 декабря 1922 г.].

Вот, собственно, две эти даты я буду иметь в виду, когда попробую рассказать о чём? Я бы хотел сегодня вам рассказать о том, как историки изучают Гражданскую

войну. Разумеется, не буду говорить ни о событиях, ни о героях этой войны, никаких событийных вещей. Всё это и так все прекрасно знают. А вот как меняется исследовательский тренд, исследовательский интерес, какие из этого возникают результаты, — мне кажется, это может быть небезынтересно. Поэтому я и выбрал такой ракурс — «Современная российская историография Гражданской войны в России».

Начать, конечно, надо с того, что вспомнить, что Гражданская война завершила эпоху великих потрясений, — вспомним слова Петра Столыпина: «Им [радикалам], нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Но потрясения, помимо его воли, произошли и затронули почти целое десятилетие — с 1914 года (начало Первой мировой войны) и до конца 1922-го (образование Советского Союза). На смену Российской империи за эти годы пришёл Советский Союз, который заново собрал державу, провозгласил курс на построение новой общественной формации. И в нашей научной корпорации, пожалуй, было абсолютно общепризнано, что по силе воздействия на общемировые процессы Великая российская революция и начавшийся в её результате так называемый советский эксперимент признаны важнейшими событиями XX века. Я думаю, с этим можно не спорить.

Современный этап постсоветского изучения Гражданской войны начался, понятно, после распада Советского Союза в 1990-е годы. Произошли кардинальные изменения в концептуальных подходах, методологии, источниковой базе, характеристике основных направлений и проблем изучения войны, расширился спектр её исследований. Пожалуй, главным мейнстримом прошедшего 30-летия был уход так называемого героического мифа о войне, мифа, который мы с вами с детства, можно сказать, впитали с «Неуловимыми мстителями», со «Свадьбой в Малиновке», знаменитой песней Булата Шалвовича Окуджавы о «комиссарах в пыльных шлемах», которые «склонятся молча надо мной». Этот героический миф теперь уходит постепенно из нашего общественного сознания, на смену приходит осмысление войны как величайшей трагедии российского общества. Одна из практических задач изучения событий тех лет — это попытка извлечь уроки из прошлого, для того чтобы избежать подобных событий в нашей сегодняшней истории. Я бы сказал, что характерное для современных исследований — это попытка, стремление даже раздвинуть хронологию революционных событий и рассматривать их в рамках эпохи великих потрясений, которая продолжалась с 1914 по 1922 год.

Здесь я бы подчеркнул, что благодаря усилиям нашего исторического сообщества (я для начала немножко похвастаюсь, а потом уже скажу, какие у нас серьёзные проблемы) была сделана одна серьёзная вещь в связи со столетием Российской революции. Мы пришли к определенному консенсусу о трактовке её как единой Великой российской революции, прошедшей в своём развитии несколько этапов, включая Февральскую революцию, Октябрьскую, а также Гражданскую войну как неотъемлемую часть периода. Война рассматривается как прямое следствие, продолжение революционных событий 1917 года, как особый этап революции. Отмечу попутно, что «великой» мы эту революцию называли, вовсе не имея в виду обязательно понятийную коннотацию. Великой она была по масштабам своего воздействия на нашу страну и на весь мир. Но в русском языке, как вы знаете, слово «великий» имеет разные смыслы. Есть и «глад великий» и «мор великий». Так что революция эта включала в себя и ту и другую стороны.

Приведу несколько цифр по поводу того, что в нашем сообществе сделано. Защищено более 100 докторских и несколько сот кандидатских диссертаций, посвящённых различным аспектам Гражданской войны. Огромное количество новых источников, архивных источников поступили в распоряжение всего российского общества в результате так называемой «архивной революции», когда в 90-е годы был открыт доступ ко всем документам того времени. Это вполне понятная вещь после долгого зажима этой темы и идеологического прессинга постсоветского периода, когда изучаться могли только «красные». У историков наступил период духовного, идейного реванша, и они ринулись в архивы изучать как раз «белое». Но в этом есть как свои плюсы, так и свои негативные проявления, о которых скажу чуть позже.

Добавлю ещё пару слов, почему мы настаиваем на том, что Великая русская революция — это был единый процесс. Потому что в нашем обществе постоянно шло бодание, извините за такое непарламентское выражение, по поводу того, что Февральская революция была хорошей, а Октябрьская плохой, или наоборот, Октябрьская была великая социалистическая, а Февральская — так, непонятно что, либеральный выкидыш. И эта дихотомия, это противостояние идейных, идеологических позиций здорово мешало нам понять всю суть переживаемых тогда событий.

Если попытаться провести аналогию, то вполне очевидно, что наша революция весьма похожа на Французскую революцию конца XVIII века. И там наблюдается приход к власти сначала либералов (жирондистов), потом радикалов (якобинцев), и всё заканчивается военной диктатурой Наполеона. Вот та калька, с которой списана, можно сказать, и история нашей революции: либералы Февральской революции, которым на смену пришли большевики, и затем воцарился Сталин. Так что у каждой такой великой, большой революции есть своя внутренняя логика, и именно поэтому мы рассматриваем все эти этапы — и Февраль, и Октябрь, и Гражданскую войну — как звенья одной цепи одной Великой революции.

Хочу подчеркнуть, что остаётся пока дискуссионным вопрос о хронологии Гражданской войны, особенно о начальном периоде. Конечный более или менее понятен, но начальный период связывают одни с Февралём, другие с Корниловским мятежом, третьи — с большевистским переворотом и так далее. Но всё же большинство историков относят истоки Гражданской войны к периоду после прихода к власти большевиков или захвата ими власти, а её завершение — окончанием интервенции на Дальнем Востоке в 1922 году, о чём я вам начал говорить сегодня.

Действительно, приход большевиков к власти стал фактически началом Гражданской войны, а разгон Учредительного собрания в январе 1918 года — одной из предпосылок развёртывания в 1918 году уже войны Гражданской полномасштабной. Если раньше она была очаговой и несколько напоминала события 1905 года, — а я скажу, что Ленин, как вы помните, называл 1905 год генеральной репетицией Октября, я бы добавил или поправил, что его можно вполне назвать генеральной репетицией Гражданской войны. Тогда, в конце 1917 года, были антибольшевистские выступления в Москве и других городах и центрах, своего рода очаги сопротивления, а вот после разгона «учредилки» война уже началась, что называется, полномасштабная.

Конечно, у нас есть свои достижения, я обо всём говорить не буду, но крестьянское движение периода войны у нас изучено очень неплохо. Если в советский период

историки изучали главным образом участие крестьянства в борьбе против белогвардейцев, то теперь исследуют преимущественно борьбу крестьян за реализацию собственных интересов в ходе войны, историю антисоветского восстания и повстанческого движения.

В отдельное направление выделилась история казачества. Если прежде изучали казаков, поддерживавших советскую власть, то теперь идёт своеобразная инверсия и изучается история казачества в целом и особенно участие в Белом движении.

Изменилось и направление исследования рабочего класса. Опять-таки, вспоминая наших предшественников, надо сказать, что тогда рабочие рассматривались как главная и надёжная опора советской власти, а сейчас делается акцент на их протестной деятельности, участии в антибольшевистской борьбе. Такая деятельность и борьба действительно имели место и в достаточно серьёзных масштабах.

Я немного сокращу некоторые свои тезисы. Серьёзный и большой вопрос — вопрос национальный и межнациональный. Я скажу так, что всё-таки работ тут пока недостаточно, что затрудняет создание обобщающей картины национально-государственного строительства Советской России, даже Советской! И при этом есть определённые серьёзные прорывы, например, в изучении так называемых «бывших» людей. Это тоже тема, которая была некоторое время популярна. То есть те, кто пострадал от революции, были признаны эксплуататорами, поражены в правах и в той или иной степени репрессированы. Всех их объединяет термин «бывшие», и именно эту большую социальную группу сейчас активно изучают наши историки.

Может быть, надо сказать ещё более критически: сейчас у нас всё-таки слабое изучение советской политики. По закону маятника интерес историков резко качнулся в сторону Белого движения, после того как он [интерес] много лет находился в «красной» точке. И теперь советский лагерь, советские правительства и вся Советская Россия оказались как бы на периферии внимания историков. Мне кажется, для создания подлинного баланса истории Гражданской войны это, в общем-то, вещь не очень хорошая.

Исчезли исследования, посвящённые и партии большевиков, революции, советской государственности. Соответственно, нет и обобщающих, серьёзных работ на эту тему. Также вроде бы интерес к истории интервенции был велик, но эффект от этого, по-моему, пока совершенно недостаточный. Несколько публикаций состоялось по интервенции на Дальнем Востоке, на севере России, но это ещё отнюдь не серьёзное изучение.

Мы разработали всякого рода новые подходы — так называемый антропологический подход, новая политическая история, новая культурная история. Эти новые подходы дают нам возможность задавать истории новые вопросы и, соответственно, получать ответы и новые знания. Такие сюжеты, которые раньше совсем были непопулярны, — менталитет, символы, ритуалы, культурные ориентиры, идеология, пропаганда, психология и так далее — в этом изучении обыденного сознания и положения огромных масс людей нашей страны в годы Гражданской войны есть серьёзный прорыв.

Вместе с тем хочу подчеркнуть (этот факт, мне кажется, не слишком известен), что в боевых действиях на фронтах Гражданской войны со стороны красных и белых принимало участие не более 3% населения, а все остальные с трудом поддаются красно-белой идентификации. То есть те самые обыватели, а фактически всё население страны, основная масса населения, которая в этих условиях вооружённого

противоборства была вынуждена выживать. И вот психология этих маленьких людей, их повседневная жизнь, практика сейчас становятся объектом изучения большой науки. Здесь есть серьёзные исследования, и не только у нас в столицах, но и в Екатеринбурге, в Омске и в других регионах, которые были затронуты Гражданской войной.

Но надо сказать, что, увлечшись новыми направлениями исследования, историки (тут самокритика должна быть, я считаю) оставили без внимания подготовку работ обобщающего характера, посвящённых общероссийской проблематике Гражданской войны. К сожалению, большинство современных работ представляют собой отдельные фрагменты, из которых пока трудно складывается единая и соответствующая истине, достоверная ткань истории. Мелкотемье большинства исследований — бич нашей эпохи. Авторы берут для защиты диссертаций один из фронтов Гражданской войны, а вдобавок ко всему ещё ограничены идеологическими рамками одного из этапов, и из этой смальты очень трудно собрать общую мозаику, она не очень стыкуется. В этом серьёзная проблема нашего современного изучения.

Ещё один, я бы сказал, серьёзный минус нашей эпохи — это своего рода идейная инверсия, смена полюсов без сколь-нибудь доказательного обоснования. Важная особенность современной историографии — это преобладающее внимание к антибольшевистскому лагерю. Понятно, что прежде это было невозможно, сейчас историки берут такой «белый реванш», историографический реванш. Но сейчас, пожалуй, впору говорить, что возник новый перекосяк. Если раньше он был «красный», то теперь очевидно «белый». О противниках советской власти ежегодно выходит не один десяток исследований, Советской России и большевикам почти не уделяется внимание.

Повторяю, такие диспропорции едва ли пойдут на пользу изучению Гражданской войны. Конечно, нужны полнокровные сравнимые исследования по истории обоих этих фронтов. И конечно, не все новации в современной историографии представляются оправданными. В частности, политизированный подход продолжает присутствовать. Не до конца изжитое и принципиально неприемлемое для науки разделение историков на белых и красных продолжает действовать в нашей корпорации.

Есть попытки расширить хронологию Гражданской войны до начала 30-х годов в связи с протестным движением против коллективизации. А ещё пуще — объявить коллаборационистское власовское движение в годы Великой Отечественной войны второй гражданской войной. Таким образом, у нас Гражданская война проходит до середины 40-х годов. Эти взгляды, хочу подчеркнуть, не находят поддержки у большинства профессиональных историков, которые всё же стоят на позиции здравого смысла и полагают, что Гражданская война закончилась именно в конце 1922 года.

Хочу здесь подчеркнуть, что эта тематика испытывает воздействие политического фактора не только и даже не столько у нас, а в наших бывших союзных республиках, где стала доминировать тенденция «национализации» истории, затронувшей историю Гражданской войны. Если прежде события на окраинах Российской империи воспринимались в республиках Центральной Азии и в Закавказье через призму единого центра государства, то теперь возобладали новая трактовка, согласно которой именно Россия являлась главной угрозой созданию их собственного государства, а Гражданская война интерпретируется как война антиколониальная или межэтническая.

Сейчас выходит много документальных публикаций, просто вал. Хочу отметить, что есть и высокого уровня публикации, например двухтомник, посвящённый адмиралу Колчаку, или основательный том о Брестском мире. Но общей, к сожалению, негативной чертой нашего времени является крайне низкий уровень критики источников, а также фактическое отсутствие некоей археографии. Это, конечно, снижает уровень публикационного вала и его значения для исторической науки.

Таким образом, историческая наука совершила кое-что полезное, можно это даже назвать исследовательским прорывом, но, конечно, на очереди у нас стоит серьёзная задача создания обобщающей истории войны. В этой связи я должен сказать и, может быть, даже прорекламировать одно издание, которое уже вышло, оно называется «Россия в Гражданской войне», энциклопедия в трёх томах. Это очень серьёзный труд, предпринятый по инициативе директора издательства «Политическая энциклопедия» Андрея Сорокина. Это действительно кладёзь знаний, три огромных тома, источник информации, в том числе и такой, которая прежде никогда не звучала.

Добавлю к этому, что у нас в институте в рамках работы над 20-томной «Историей России» готовится к публикации том в двух книгах по истории Гражданской войны. Здесь присутствует мой коллега Владимир Прохорович Булдаков, он ответственный редактор тома по истории революции. И, как я понимаю, том в достаточной мере готов к публикации. Надеюсь, в будущем году мы сможем его выпустить. Готов и том по Гражданской войне, и надеюсь, что в следующем году он выйдет из печати и это будет способствовать оживлению интереса к этой тематике.

Если завершать, то, наверное, надо сказать, что сделано вроде бы немало. Но и валидировать сделанное не приходится, ибо, опять-таки, идейная инверсия, смена полюсов без должного обоснования, серьёзной доказательной базы, влияние политической конъюнктуры до сих пор характерны для многих проблем изучения Гражданской войны в постсоветский период.

И последнее. Тема примирения. Тема была весьма актуальна два года назад, когда отмечалось столетие исхода белых армий из Крыма. Был проект поставить в Севастополе памятник примирения противоборствующих сторон, который не состоялся прежде всего потому, что против выступили лидеры русской диаспоры за рубежом. Князь Трубецкой, князь Шаховской — очень достойные, уважаемые люди, они очень много работают для России, тем не менее они считают, что о примирении в той форме, как предлагалось, в форме если не рукопожатия, то какого-то братского объятия, — нет, они посчитали, что этот символ не годится. Эмиграция предпочла бы скорее покаяние перед ними. Но на это не пошли уже наши.

Так что это внутреннее разделение на «красных» и «белых», причём в таком столетнем огромном периоде, всё-таки не исчезло. И я, конечно, уверен, что у нас никогда не дойдёт дело до таких событий, как в Соединённых Штатах (шучу). Но уверен, что до этого не дойдёт. Тем не менее и в нашем обществе, и в эмигрантской среде есть ещё обоюдное неприятие. А наша задача, историков, быть, как говорил Алексей Толстой, «двух станов не боец, но только гость случайный». Правда, он говорил не об историке, который, конечно, не случайный гость в стране прошлого, но смысл один: мы не должны быть ни на одной стороне баррикад, наша задача осмыслить эти события как огромную трагедию в истории.

Говоря об этой трагедии, наверное, без пары цифр не обойтись, но никто не знает, сколько погибло людей в годы Гражданской войны, потому что и боевые потери плохо учитывали, а уж тех, кто умер от эпидемии и голода, и подавно. Но всё же цифры есть, они, конечно, огромны — это более 10 млн человек из 170 млн населявших империю накануне Первой мировой войны. И вторая цифра — 60% промышленного потенциала страны было утрачено за годы Гражданской войны.

Действительно, страну пришлось восстанавливать из руин, возрождать. И это было сделано — хочу акцентировать на этом внимание в преддверии столетия образования Союза, — конечно же, это было сделано благодаря большевикам. Именно им удалось вернуть Советскому Союзу статус той великой державы, какой была Российская империя.

Пожалуй, на этом я бы закончил, чтобы не отнимать время у моего содокладчика. Я благодарю вас за внимание.

А.Н. Привалов

Спасибо большое, Юрий Александрович. Вопросы по традиции после обоих выступлений. Переходим сразу, не теряя времени, ко второму докладу.

С.А. Экштут, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», историк, писатель, доктор философских наук.

Спасибо большое. Я попытаюсь оттолкнуться от того, чем завершил Юрий Александрович. Я попытаюсь раздвинуть временные рамки и посмотреть, каким образом русское общество относилось к самой идее и революции и гражданской войны задолго до того, как эти и Революция и Гражданская война произошли в действительности.

С.А. Экштут

В 1820 году Н.М. Карамзин, узнав о том, что в Испании произошла революция, написал князю П.А. Вяземскому очень интересную фразу: «Не знаю, будет ли лучше, не знаю, будет ли хуже, но боюсь одного — боюсь фраз и крови». Вот на протяжении всего XIX века, особенно во второй его половине, русское образованное общество постепенно выдавливало из себя эту боязнь крови и боязнь фраз, то есть активно насаждало демагогию.

После Великой французской революции — о ней уже шла речь — европейское общество было потрясено, его базовые ценности были поколеблены, а сама идеология Просвещения испытала глубочайший кризис. И тот же Карамзин в конце XVIII века писал: «Век Просвещения, не узнаю тебя. В крови и пламени не узнаю тебя. Среди убийств и разрушений не узнаю тебя». А к 1850 году Марксова мысль о том, что революции — это локомотивы истории, уже достаточно прочно укоренилась и в Западной Европе, и в России.

Так вот, если мы мысленно пробежимся по русской классической поэзии и будем брать только фигуры первого плана, то мы увидим, что сама по себе мысль о грядущей гражданской войне, о грядущей революции, о грядущем насилии и даже о грядущей смуте не вызывала особого отторжения. Ну, может быть, это объяснялось поэтическим восторгом, может быть, какой-то романтической поэтикой, но в 1817 году едва вышедший из Лицея А.С. Пушкин пишет оду «Вольность», где есть такие строки:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Филологи спорят, кому это адресовано, кто-то считал, что Александру Первому, кто-то считает, что Наполеону. Суть не в этом. Мысль о том, что можно с «жесточкой радостью» видеть смерть детей властителя самодержавного, уже прозвучала. Прозвучала ровно за сто лет до того, как произошло убийство в Екатеринбурге.

Дальше стихотворная «шутка» Пушкина, перевод французской эпитафии времён Великой французской революции, четыре строчки:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Это А.С. Пушкин, перевод одной французской эпитафии. Стихотворение написано в интервале 1817–1819 годов и опубликовано в Полном собрании сочинений Пушкина в 19 томах¹.

¹ М.: Воскресенье, 1994. Т. 2. Кн. 1, 2. С. 436, 948, 1145.

Рылеева цитировать не буду, Некрасова цитировать не буду, но хочу сказать, что к 1860 году мысль о том, что человек образованный или человек, который хочет казаться образованным, должен принимать участие в революции, уже прижилась и не казалась экстравагантной. Во всяком случае, прочно укоренилась другая мысль: тот, кто хочет быть рукопожатным в образованном обществе, не должен гласно поддерживать власть. Он может с этой властью не бороться, он может не распространять нелегальные листки, он может не хранить у себя типографский шрифт, потому что понятно, что за это полагается каторга, но ни в коем случае гласно поддерживать власть он не может. И Чернышевский пишет своей невесте (подчёркиваю обстоятельство, что революция на пороге России): «Я обязательно приму в ней участие, меня не испугает ни кровь, ни пьяные мужики с дубьём». Дальше он говорит, что российское самодержавие — это такой камень на краю пропасти, достаточно приложить небольшое усилие, и он скатится.

В.И. Ленин, тогда ещё Володя Ульянов, тогда ещё гимназист, после казни брата пять раз перечитывает летом перед поступлением в университет «Что делать?» Чернышевского. И когда умудрённый жизнью полицейский ему укоризненно скажет сразу же после его первого ареста за участие в волнениях в Казанском университете: «Молодой человек, зачем вы губите своё будущее? Перед вами стена». Владимир Ильич без тени малейшего сомнения ответит пожилому полицейскому: «Стена-то гнилая, тхни и она развалится».

Мысль о том, что революция — это хорошо, что террор — это хорошо, что кровь в том числе невинных жертв — это тоже нормально, — эта мысль укоренялась в пореформенной России очень и очень прочно. Дальше произошло следующее.

Поскольку после отмены крепостного права дворянское сословие не лягал только ленивый и поскольку историю государства Российского русское образованное общество изучало, к сожалению, не по Соловьёву, не по Ключевскому, а изучало по Салтыкову-Щедрину, по его «Истории одного города», то трактовать прошлое как позорное, как постыдное, как нечто такое, от чего нужно оттолкнуться, что нужно отряхнуть прах прошлого с наших ног, — эта радикальная мысль постепенно брала силу и укоренялась в сознании образованного общества.

Внутренне образованное общество было готово к тому, чтобы воспринять грядущую гражданскую войну задолго до того, как она началась. Во всяком случае каких-то превентивных мер, предпринятых обществом и направленных на то, чтобы предотвратить грядущую смуту, не прослеживается совсем или эти меры наблюдаются очень слабо. Подчёркиваю и повторяю, что тот, кто хотел казаться рукопожатным и образованным, должен был в любом случае выступать против власти. Во всяком случае, он не мог её гласно поддерживать. Это абсолютно точно.

Уже в пореформенной России родилась крылатая фраза о «казённом пироге», о том, что образованный человек не должен приобщаться к казённому пирогу, он не должен служить власти, что служить власти постыдно, позорно и так далее. А ситуация осложнялась тем, что образование базовое, которое получал россиянин, было всё-таки гуманитарным. В Европе промышленный переворот — это 30 – 60-е годы XIX века, в России на 30 лет позже — 60 – 90-е годы, так называемая научно-техническая интеллигенция ещё не успела гласно о себе заявить. Она ещё только-только появлялась и занималась исключительно тем, что, в общем-то, богатели, устраивала свои дела и не очень-то заботилась о том, что будет со страной. Достаточно вспомнить

произведения Чехова, например повесть «Моя жизнь», или Гарина-Михайловского, вспомните его «Инженеров»: богатейшие инженеры тем, что происходит в России, мало интересуются. Но они богатые люди, они очень состоятельные люди, они успешные в жизни люди. В то время как владельцы дворянских гнёзд и вишнёвых садов имения продают — инженеры имения покупают.

Дальше происходит следующее: есть Россия крестьянская и эта крестьянская Россия мечтает о «чёрном переделе»². Я не знаю, будут ли грядущие историки изучать ментальность подавляющего большинства крестьянского населения, но очевидно одно, что к 1917 году эти одетые в солдатские шинели крестьяне мечтали покинуть фронт, приехать в свою родную деревню и принять участие в дележе помещичьей земли. Все мечтали о том, чтобы поделить, никто не думал о том, чтобы повысить урожайность, культуру земледелия и так далее. Мысли о таких вещах потихоньку пробивались в общественном сознании, но пробивались очень и очень робко. Главенствовала мысль о «чёрном переделе». И в этом смысле необразованное общество к гражданской войне, к революции было психологически подготовлено, с нетерпением её ожидало.

Дальше я не буду говорить о буржуазии, потому что буржуазия какие-то более или менее явные политические требования впервые сформулировала буквально за несколько недель до Февральской революции, когда в начале 1917 года промышленные тузы собрались в доме у Рябушинского и стали размышлять о будущем. К сожалению или к счастью, но русская буржуазия на власть до 1917 года не претендовала, а если претендовала, то очень слабо.

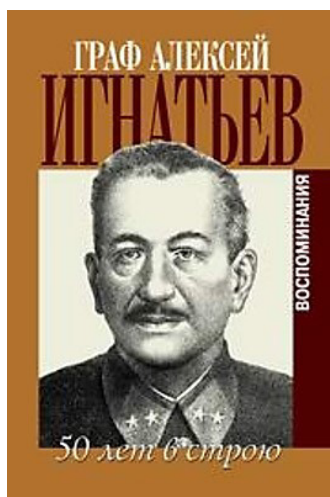
И, наконец, возьмём Русскую императорскую армию. Мы до недавнего времени говорили об армии в основном как армии победоносной, но была ещё неудачная Русско-японская война. Мы рассматривали русскую военную историю как историю побед русского оружия или историю поражений, которые потом превращались в победы. К сожалению, офицерский корпус Русской императорской армии не был единым, и так называемый мозг армии, её Генеральный штаб, который должен был бы думать о будущем, который должен был бы как-то вписывать историю и теорию военного искусства в современный контекст, этими проблемами вовсе не занимался.

То есть уже прошла Первая русская революция, уже неудачно закончилась Русско-японская война, но никаких выводов из этих событий, как ни странно, сделано не было. Более того, те люди, которые прошли через Русско-японскую войну, подвергались всяческому ущемлению. Их опыт не был воспринят, их опыт не был обобщён, и они сами считались таким неумным элементом, от которого власти старались избавиться.

Сослюсь на культовую книгу Алексея Алексеевича Игнатьева «Пятьдесят лет в строю»: «Генштабисты-маньчжурцы оказались чужими среди собственных товарищей, просидевших всю войну в тылу. Они попросту считались беспокойным элементом, и для многих были найдены места подальше от центра: кому в Сибири, кому в Туркестане, а кому и за границей».

² Безвозмездная конфискация помещичьей, удельной, государственной, любой земли и перераспределение между обрабатывающими её крестьянами.

Кого-то засылали в дальние гарнизоны, кого-то, как самого графа А.А. Игнатьева, послали военным агентом в Данию, Швецию и Норвегию; затем перевели во Францию, в Париж, но в Петербурге его не оставили. Париж не самое плохое место на земле, должность военного агента тоже не самая неинтересная, но боевой опыт этого человека не был воспринят. И он не был одинок. Другой, столь же яркий генштабист Дмитрий Ромейко-Гурко был отправлен военным агентом в Швейцарию. То есть если офицер, имеющий боевой опыт Русско-японской войны, сколько-нибудь выделялся над общим уровнем, от него старались избавиться.

Подчёркиваю, что русский офицерский корпус не был единым. Поэтому о какой-то идейной платформе, о какой-то единой программе не могло быть и речи. И существовал очень сильный антагонизм, военные историки об этом хорошо знают. Даже если взять лейб-гвардию, то офицеры Первой гвардейской кавалерийской дивизии не дружили с офицерами Второй гвардейской кавалерийской дивизии. Конногвардейцы вечно были на ножах с кавалергардами и так далее. Армия крайне негативно относилась к лейб-гвардии, гвардия пользовалась целым рядом привилегий, и все — и гвардейцы, и армейцы — дружно ненавидели офицеров Генерального штаба, презрительно именуя их «моментами» и «планщиками».

Так вот, подготовиться к грядущей смуте в русской армии не смогли. В книге графа Игнатьева есть такой яркий эпизод: когда он возвращается с Русско-японской войны, на железной дороге творится чёрт знает что, уже началась революция, поезда задерживают. Граф Игнатьев понимает, что надо каким-то образом пробраться в столицу. Он комендант воинского эшелона, он понимает, что нужно любой ценой выполнить задание командования, а железные дороги стоят. И он вдруг замечает, что порядок зависит от машиниста и от обер-кондуктора. Вопреки всем правилам, он их приглашает в буфет первого класса, угощает, после чего говорит: «А не пора ли нам трогаться?» «Да, пора», — говорит машинист, после чего комендант станции расчищает путь.

Вот это довольно-таки остроумное решение проблемы, но генштабисту Игнатьеву не приходит в голову мысль о том, что нужны спецподразделения, которые бы рассчитали железные дороги. Потому что, когда во время войны железные дороги парализованы революционным элементом, с такими вещами, с такими деструктивными элементами нужно бороться. Но мысль о том, как с этим бороться, о том, что нужно защищать те самые вокзалы, те самые мосты, тот самый телефон, телеграф, о захвате которого потом будет говорить Ленин, — мысль об этом в русском Генеральном штабе совершенно не была укоренена. Поэтому Николай II так бездарно упустил власть из своих рук.

Я хочу сказать, что, по сути, к 1917 году русское общество, какую бы мы его часть ни взяли, психологически было готово к грядущим потрясениям. Оно не задумывалось о том, что называли иронией истории, оно не задумывалось о тех последствиях, к которым может привести их такое легкомысленное отношение. Психологически оно, может быть, не до конца было готово к гражданской войне, но оно абсолютно не было готово к тому — я говорю о русском образованном обществе, — чтобы сознательно защищать существующий порядок вещей. Вот этого не было. И в этом, может быть, одна из величайших причин свершившейся трагедии.

Когда Алексей Ермолаевич Эверт — русский военачальник, генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Западного фронта (1915—1917), один из тех, кто вынудил Николая Второго подписать отречение от престола, столкнулся с началом Гражданской войны, он произнёс весьма примечательную фразу: «Интеллигенция сейчас пожинает то, что она посеяла». И генерал Эверт искренне был уверен в том, что и он сам виноват в безначалии, смуте, терроре. Его без суда и следствия сразу же после объявления «красного террора» убьют по пути в тюрьму революционные солдаты в 1918 году. То есть Эверт в том далеком 1918-м, не зная, чем закончится Гражданская война, но понимая, что Гражданская война уже началась, был убеждён в том, что русская интеллигенция несёт ответственность за то, что произошло. Ну или, скажем так, русское образованное общество.

И, наконец, я хочу в качестве такого небольшого вставного эпизода коснуться проблемы террора — «красного» и «белого». Историки действительно спорят, какой террор был сильнее, какой террор был больше, подсчитывают жертвы, но, видимо, все жертвы подсчитать невозможно. Но парадокс состоит в том, что сам институт заложничества, сам институт террора был осуждён на уровне международного права гораздо позднее, только в 1949 году в Женевской конвенции. До этого времени и взятие заложников, и их расстрел с точки зрения международного права было мерой абсолютно нормальной и ненаказуемой. Другое дело, что требовалась так называемая соразмерность взятия заложников, но никто этих численных пропорций не указывал. Поэтому, скажем, тех, кто в сентябре 1917 года развязал «красный» террор, с точки зрения Нюрнбергского трибунала можно было бы судить, может быть, за избыточность этого террора, но никак не за сам факт.

Обобщая, я хочу сказать, что то, что произошло, было в значительной степени предопределено предшествующими событиями.

Что же касается идеи окончания Гражданской войны, скажу честно, я не знаю, когда она закончилась. То, что формально она закончилась, да, 25 октября, да, 1922 года, да, во Владивостоке. Это всё так.

В 1935–1936 году заместитель командующего войсками Приволжского военного округа комкор Иван Семёнович Кутяков (в годы Гражданской войны он сменил Чапаева после его гибели на посту начдива 25-й дивизии) написал письмо Сталину о том, что пора примириться. Он был первый, кто в СССР высказал эту мысль. А он был комкор, был человек уважаемый, был награждён тремя орденами Красного Знамени и почётным революционным оружием, а таких людей было в то время очень мало.

Так вот он написал, что пора примириться, что тот же Керенский — это уже не заклятый враг Советской власти, а пожилой человек, который давно понял, что он проиграл. Почему бы его не пригласить в Советский Союз и не продемонстрировать

ему наши достижения? Почему бы не простить белогвардейцев? Почему бы не разрешить приехать в Союз? Подчёркиваю, что это был 1935–1936 год. Для Кутякова эта несвоевременная инициатива закончилась печально, потому что ещё задолго до Большого террора его фактически отстранили от должности, стали подвергать поношению и так далее. Сталин крайне негативно публично высказался об этих его предложениях. Закончилось всё, как и должно было закончиться. Герой Гражданской войны Кутяков сгорел в огне Большого террора. В 1935–1936 году мысль эта не нашла поддержки, наоборот, она была встречена в штыки.

Можно привести другой пример. Весной 1956 года Борис Пастернак предложил рукопись только что завершённого романа «Доктор Живаго» двум ведущим московским журналам. Столичная интеллигенция сформулировала своё отношение к новому роману устами Константина Симонова так: «Выходит, что Великая Октябрьская революция и Гражданская война были напрасны?» То есть и в тот момент ни о каком эпическом взгляде из космоса на события Гражданской не могло быть и речи.

И вот прошло каких-то, может быть, 10 или 15 лет, и ситуация изменилась. Но она изменилась, может быть, потому что умерли сторонники старой точки зрения. Когда в апреле 1970 года на телеэкранах страны стал демонстрироваться многосерийный фильм «Адъютант его превосходительства», все вдруг с большой симпатией стали относиться к белым офицерам. И знаю, что на философском факультете несколько студентов пострадали за эту симпатию. Они поехали на картошку, им выдали солдатские шинели, и они стали играть в белых офицеров, стали обращаться друг к другу: «господин штабс-капитан», «господин поручик», «господин прапорщик». Закончилось это всё очень печально. Их отчислили с «волчьим» билетом. Это была осень 1972 года. Это Московский университет, философский факультет, тут всё понятно. Но даже воспринять идею примирения «красных» и «белых» как элемент игры общество не было готово. Во всяком случае на официальном уровне.

Вот, пожалуй, всё. Я не знаю, где провести эту грань и можно ли её провести. Но сама мысль о том, что гражданская война — это трагедия, сама мысль о том, что это такая печальная веха в истории страны, и мысль о том, что нужно примирение, — эти мысли, в общем, не укоренились. Скорее, ушли в небытие те, кто воспевал «комиссаров в пыльных шлемах». А им на смену пришли те, кто стал воспевать «корнетов Оболенских» и «поручиков Голицыных». Но не было и речи ни о каком примирении «комиссаров в пыльных шлемах» с «поручиками Голицыными». Насколько я знаю, такая идея не была реализована. Во всяком случае, она не была должным образом оформлена. Спасибо!

А.Н. Привалов

Спасибо большое, Семён Аркадьевич, но всё-таки не могу не заметить, что окончание войны — это одно, а восторжествование мысли о примирении — это совсем другое, и они, конечно, хронологически никак совпадать не могут. Что касается того, что примирятся «комиссары в пыльных шлемах» и «поручики Голицыны», — это то самое мечтание о том, что «лев возляжет рядом с агнцем», этого запрещено желать всем. Этого не бывает вообще никогда.

Ну ладно. Государи мои, по нашей традиции сейчас вопросы. Пожалуйста, прошу.

В.Е. Дементьев, *руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН*

Спасибо, Александр Николаевич, за выбранную тему, действительно очень актуально, к сожалению. У меня вопрос немного удлинённый.

В.Е. Дементьев

У меня лично создаётся впечатление, что гражданские войны закладывают мины под будущее. Эти мины могут взрываться и через два поколения. Но у нас, на мой взгляд, это произошло на рубеже 80-х, а 90-е годы — это своего рода холодная война, точнее, почти холодная война. Как следствие можно ожидать лет через тридцать очередное усиление турбулентности в нашем развитии.

Если допустить, что моя трактовка в чём-то рациональна, вопрос: какое влияние могут оказать текущие события на мину холодной гражданской войны?

А.Н. Привалов

Кто из наших докладчиков готов попытаться ответить?

Ю.А. Петров

Попробую. Хотя мне не нравится слово «мина», мину кто-то закладывает сознательно, чтоб она рванула. А здесь... Мне больше нравится слово «рана». Вот Гражданская война — это рана, громадная рана в теле нации, которая заживает долго, мучительно. И эти фантомные боли постоянно сопровождают наше общество и до сегодняшнего дня. Вот я бы такое сравнение сделал. И не дай бог, конечно, быть вам пророком. Надеюсь, что через тридцать лет мы встретимся и всё будет нормально, — я о том, что эпоха гражданских войн, надеюсь, в нашей стране завершилась. Пусть я выгляжу глупым оптимистом.

С.А. Экштут

Я не столь оптимистичен, как коллега. Я скажу так, что сейчас действительно закладываются проблемы, которые будут решаться через 25–30 лет. Но так в истории происходит постоянно, потому что срок жизнедеятельности одного поколения — 25 лет. Сейчас продолжительность жизни удлинилась, сейчас никого не удивит 90-летний человек, который активно работает в сфере науки. И это нормально. Если в сериале «Семнадцать мгновений весны» Мюллер говорил Штирлицу, что 70 лет — это период расцвета для политика, то сейчас мы видим, что и 90 лет может быть периодом активности для политика.

Действительно, сегодня закладываются проблемы, можно их называть минами, можно их называть пороховым погребом под основанием государства, как говорил граф Бенкендорф про крепостное право. Можно называть их ранами, но эти раны не будут излечены через 30 лет. К чему сводятся эти проблемы — это уже второй вопрос. Но да, это так.

А.Н. Привалов

Михаил Иванович, прошу вас.

М.И. Москвин-Тарханов, ГБОУ «Пушкинский лицей»

М.И. Москвин-Тарханов

Есть такая замечательная пьеса Николая Эрдмана «Самоубийца». И там один из героев говорит, что наша интеллигенция — это курица. Курица, которая высидела утиные яйца. Утята вылупились и говорят: «Мама, лети». Она отвечает: «Я же курица, я не умею». Тогда утята говорят: «Мама, плыви». Она говорит: «Я же курица, я не умею плавать». «Тогда, мама, сиди». И посадили.

Вот меня всегда волновало, почему интеллигенция со времён А.С. Пушкина и кончая временами уже близкими никогда не видит своей реальной выгоды. Вообще! Она как будто слепая. Она не понимает, что сегодня ты замечательный врач, ты лечишь

больных, утром работаешь в Московском университете, а потом идёшь на частную практику — и это всё завтра закончится, если произойдёт революция и гражданская война. Что ты, инженер, не будешь строить мосты, ты будешь варить мыло. И это всё совершенно невидимо глазу.

Вот скажите, пожалуйста, я не встречал в мире примера такой слепоты образованного класса. Чем это вызвано?

С.А. Экштут

Я полностью согласен с вашим диагнозом, Михаил Иванович. Действительно, русскому образованному обществу была присуща потрясающая слепота на протяжении всей истории. Я полагаю, что это было связано с тем образованием, которое она получала, и с тем разрывом, который существовал между получаемым образованием и возможностью практически применить полученные знания в реальной жизни, точнее, с отсутствием такой возможности. Потому что если взять ситуацию первой половины XIX века, то человек, который не имел никаких связей, должен был ехать в провинцию и там без особых перспектив служить, не имея ни возможности продвинуться по службе, ни получить сколько-нибудь выгодное место, а в столице он должен был заниматься тем, что первое время переписывать бумаги. Приведу только два примера: скажем, князь А.М. Горчаков и Ф.И. Тютчев. И тот и другой в начале жизни очень много писали, а в конце жизни они ненавидели перо и предпочитали диктовать. Нет, не стали плохо видеть, а их руки просто устали. Писчая судорога, писчий спазм.

Так вот, в конце XIX века, где-то после 1893 года, человеку с университетским образованием просто невозможно было найти штатное место и найти практическое применение полученным знаниям. То есть университетский диплом он получал, а применение ему найти не мог. И в России невозможно было получить такое образование, которое бы прививало какие-то практические навыки и давало возможность просто зарабатывать на хлеб с маслом и с ещё каким-нибудь дополнением к этому маслу. Вот так было построено образование.

И отсюда был колоссальный разрыв между тем воздушным царством мечты, в котором пребывал человек, пока учился в университете, и той реальностью, в которую он окунался после того, как этот университет оканчивал. Кто-то спивался, кто-то приспособливался, кто-то уходил в революционеры, кто-то уходил в частную жизнь. Просто окончить университет и без проблем вписаться в социум было нельзя.

Когда Боборыкин, известный писатель, человек небедный, а он окончил в 1860-е годы Петербургский университет, выяснил, что он, не имея связей, не может нигде трудоустроиться, он пришёл к своему университетскому профессору, известному филологу, и спросил: «Зачем же нас университет выпускает на верную гибель?» Университетский профессор почесал свою бороду и сказал: «Ну вам конкретно, Боборыкин, я могу посоветовать следующее. Вот вы любите литературу? Прилепите к какому-нибудь журналу, ну и там существовайте».

Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос, но таково моё видение проблемы.

Ю.А. Петров

Коли мы парно выступаем, позвольте, и я свои три копейки добавлю. Вы сказали: «слепота». Я не знаю. Конечно, в какой-то мере это и так, но, если бы они могли быть

пророками и увидеть, что произойдёт, конечно, они бы изменились. «Нам не дано предугадать, как слово...» и дело наше обернётся. А они жили мечтой.

Я думаю, всё-таки мы не будем под влиянием современной тенденции всех их объявлять бесами. Федор Михайлович, мне кажется, пересолил по этой части. А кто в народ ходил? Они, как святые люди, шли, чтобы помочь этому народу, которому искренне сострадали. Когда им дали по рукам, тогда и пришлось прибегать к террору. Давайте всё-таки мы к интеллигенции нашей помягче будем относиться. Не будем считать, что она совсем уж худшая в мире. В своё время был написан анти-интеллигентский роман Горького «Жизнь Клима Самгина» — мне кажется, с того времени стало модно во всём винить эту нашу интеллигенцию. А там были очень и очень достойные люди, в том числе и в революционном лагере. Я бы настаивал на этой позиции.

А.Н. Привалов

Позвольте короткое замечание. Что «ходит птичка весело по тропинке бедствий, не предвидя от сего никаких последствий», — это не исключительно русское явление. Мы все, по крайней мере от Алданова, помним пересказанную легенду про то, как накануне Французской революции в каком-то великосветском салоне при дворе Людовика XIV некий аббат говорит каждому, чем тот вскоре кончит. И все говорят: «Ха-ха-ха». Так не только в России, во всём мире так. Господин Горелик хотел вопрос задать. Прошу вас.

А.С. Горелик, эксперт по международным организациям

А.С. Горелик

Спасибо большое, спасибо обоим нашим докладчикам за чрезвычайно богатые мыслями сообщения. Юрий Александрович, говоря об интервенции, упоминал Дальний Восток и север России. Вы не упомянули юг России. Не кажется ли вам,

что попытки интервенции в Причерноморье были более значимыми потенциально для исхода Гражданской войны, чем то, что было на Дальнем Востоке и на севере?

И второй вопрос. Белочехи, их мятеж, относит ли сегодняшняя наука тоже к проявлению интервенции?

Ю.А. Петров

По части Дальнего Востока и севера — я упомянул эти два региона в связи с тем, что по ним исследования проводились, что-то сделано. А в отношении юга и участия там англичан пока исследований никаких серьезных... Ну да, и Одесса, понятно. Таких исследований пока, мне кажется, серьезных не было. И этим я вовсе не хотел принизить вопрос об интервенции на юге России — он был, и был очень серьезным. И англичан туда, конечно, манили Баку, нужна была нефть, это был главный интерес.

А белочехи — это интересный вопрос. Здесь Владимир Прохорович Булдаков сидит, я бы даже ему переадресовал его, он специалист по истории революции. Можем ли белочехов считать интервентами? Мне кажется, нет. А как на ваш взгляд?

В.П. Булдаков, *главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук*

Нельзя их считать. По большому счёту, они пытались защищаться. Вначале по крайней мере. А потом их втянули в Гражданскую войну, вот и всё.

Ю.А. Петров

Ну да, они же были пленными. И их просто, что называется, этапировали в места вывоза из России. Что произошло по дороге, мы все прекрасно знаем.

А.А. Черников, *руководитель Архитектурно-дизайнерской мастерской Андрея Черникова*

А.А. Черников

У меня вопрос, может быть, скорее к Семёну Аркадьевичу. А мы не пропускаем 25 лет? Лично у меня ощущение, что то непростое время, в котором мы оказались, не сегодня началось. Например, искусственное отделения границ сибирских губерний было сделано приблизительно четверть века назад. Будучи не раз в Красноярске и в других городах, из бесед в том числе и с коллегами, которые занимаются урбанистикой, — это серьёзная мина замедленного действия, как я понимаю. Поэтому у меня вопрос: пролонгируя на 25 лет, как бы минуя нынешний период, может, мы проявляем ту же самую близорукость?

С.А. Экштут

Весьма вероятно, что мы проявляем близорукость. Любое поколение проявляет близорукость. Я согласен с вами, что те проблемы, которые мы пожинаем сейчас, были заложены 25 лет назад, 30 лет назад и даже раньше. Но так происходит, если так можно сказать, интерференция проблем и интерференция поколений. Мы пытаемся разрешать проблемы, которые были заложены какое-то время тому назад, в то же самое время порожаем новые проблемы, которые нам не дано разрешить и которые придётся разрешать следующим поколениям. Так происходит всегда.

Но в полной мере судить о том, что происходит, мы не всегда можем. Тут я позволю себе маленькое отступление. Несколько дней тому назад я закончил читать толстый, 1100-страничный, том протоколов Секретариата ЦК за 1969 год. Эти документы рассекречены, собраны, отправлены в типографию. Том выйдет через две недели. И я вдруг увидел, что это 1969 год, я в тот момент оканчивал среднюю школу. Я вдруг увидел, что какие-то истоки проблем, с которыми я столкнулся, уже тогда обдумывались, решались на уровне секретаря ЦК вплоть до каких-то мелких вещей вроде того, что надо построить первый корпус гуманитарных факультетов МГУ, а я в нём учился. Как раз в этот момент его открыли. Или что надо повысить стипендии студентам. И действительно, через полгода после того, как я поступил в университет, на несколько рублей эту стипендию повысили.

Так вот, к сожалению, современный историк, и современный социолог, и даже современный политолог не знает, что происходит наверху. Документы закрыты. Дай бог, чтобы через 25, через 30 лет эти документы открыли. Тогда мы сможем иметь на руках всю совокупность фактов. Если у нас нет всей совокупности фактов, то по законам логики происходит так называемая неполная индукция и вывод носит вероятностный характер. То есть мы можем лишь гадать, лишь предполагать. Что будет, нам действительно не дано предугадывать. Пожалуй, так.

С.Н. Ениколопов, *заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, кандидат психологических наук*

Я понимаю, когда нам говорят: «Гражданская война закончилась такого-то числа». Для историков замечательно — детали, события, кто как предугадал и пр. Как только мы начинаем задавать вопросы историкам, чтобы понять последствия, — собственно говоря, вся наша дискуссия суть вопросы не про можно ли было предугадать, а почему именно не предугадали, — то выясняется, что в замечательных кандидатских и докторских диссертациях сроки Гражданской войны зависающие.

И второе, почему мы, обсуждая только в нашей стране какие-то вещи, для других начинаем придумывать хорошие слова. Для нас — «мина», «рана», тогда как все социальные науки, когда обсуждают XX век, говорят: «культурная травма», про войну — «память». Получается, что, во-первых, мы какие-то опять самостийные, с особой историей. Во-вторых, мы теряем аналог разговора о Гражданской войне в Америке, в Испании...

Я не к тому, что Гражданскую войну нужно продвинуть дальше по срокам. Но просто получается так, что некий момент, триггер, закончился, а запускается тот самый процесс, который мы обсуждали.

С.Н. Ениколопов

Ю.А. Петров

По части того, что мы занимаемся самобичеванием и применяем к своей истории уничижительные плохие слова. Вот англичане называют одно из событий своей истории «Славная революция». Это единственный раз в английской истории официально употребляется слово «революция». И то «славная», хотя славного там особенно ничего не было.

В этом, может быть, разница менталитетов. Они никогда свои слабости и промахи не выставляют. Они не смеются над государственниками и не считают для интеллигента зазорным пойти на государственную службу и получать казённое жалование. У нас — да, менталитет такой сложился, что лучше мы что-нибудь поругаем. Лучше, конечно, власть, самих себя как-то не хочется. Мы любим, что называется, ковырять какие-нибудь болячки в своей истории. Мне кажется, что не очень нормально как такое спесивое англо-саксонское самовосхваление, так и наше копание в бедах и несчастьях. И изложение собственной истории, как «города Глупова» по Салтыкову-Щедрину, мне не кажется продуктивным.

С.А. Экштут

Теперь мои три копейки. Я согласен с тем, что историософское осмысление фактов, которые стали нам доступны в результате Великой Октябрьской революции,

отстаёт, точнее оно просто отсутствует. Потому что публикуются первоклассные исторические источники, а историки далеко не всегда сами в состоянии, да это часто не их задача, эти источники должным образом философски истолковать. Но историко-софского осмысления этого массива фактов пока нет. Задача состоит не в том, чтобы осудить или оправдать, а в том, чтобы осмыслить. А с осмыслением пока сложно.

А.Н. Привалов

Ну, надеяться когда-нибудь увидеть на столе буквально весь массив фактов несколько странно. Смертным всеведения не положено. Андрей Александрович, вы что-то спросить хотели. Спрашивайте.

Ю.А. Петров

Только одна ремарка. Как показывает история, самые важные разговоры и решения на бумагу не кладутся.

А.А. Черников

Вопрос к обоим докладчикам. Вы с такой уверенностью сказали, что нам надо ждать открытия источников в будущем, а в нынешнем они пока для нас закрыты по решению власти, околоставных структур. Я не хочу в эту тему углубляться, но у нас же ещё есть одна очень интересная тема — криминальная революция 90-х, и судьба страны не только в руках тех, кто захватил официальную власть, это тоже давно известно.

Мне кажется, что мы просто уклоняемся от анализа, я бы даже сказал. Теория игр, которая появилась в 60-х годах, потом расцвела где-то в 80-е, моделирование процессов — это то, чем владеют практически все современные науки, и историческая тоже. Это позволяет нам, я не говорю, с какой степенью точности, но моделировать современную ситуацию. К Сибири можно присовокупить Чечню, Татарстан и много чего ещё — мы же все бываем в этих краях, мы прекрасно за столом и за рюмкой водки узнаём много чего интересного. И когда это может рвануть и как это может рвануть...

Мне кажется, что уходить от анализа в ожидании, когда будут открыты официальные источники, несколько опасно. Поэтому у меня вопрос: вы сами верите в такую пролонгированную, отложенную картину «вернёмся к этому когда-нибудь»? А не будет ли поздно, как уже было много раз? Вот мой такой ехидный вопрос.

А.Н. Привалов

Я даже не знаю, что тут отвечать, но люди знают.

Ю.А. Петров

Я тоже не знаю, я, скорее, пытаюсь понять. Речь идёт о том, что мы ещё чего-то не знаем, что-то закрыто, документов не хватает, власть не даёт доступа, конечно, к самым главным документам и т.п. В отношении истории Гражданской войны ответственно заявляю: всё открыто. Все архивы открыты, выходят десятки публикаций, документами мы, историки, попросту завалены. Вопрос сейчас не в публикации исторических документов, а в их элементарном прочтении и освоении профессионалами. Так что в этом смысле недостатка информации по истории Гражданской войны сейчас

нет, скорее, наоборот. И это огромный документальный вал, который, конечно, ограничивается академическими тиражами и проходит мимо внимания основной части общества. Через 50 лет, я уверен, мы принципиально нового документального наследия по истории этой войны не увидим.

А.Н. Привалов

Из этого не следует, что если изменится политическая мода, то господа историки и господа популяризаторы истории не переобучатся ещё два-три раза.

Ю.А. Петров

Запрещённый приём.

А.Н. Привалов

Я про популяризаторов. Ещё вопросы, пожалуйста.

О.П. Кузнецов, *главный научный сотрудник Институт проблем управления РАН, доктор технических наук, профессор*

Вопрос о словах «революция» и «переворот». Когда белые эмигранты ввели в оборот выражение «большевистский переворот», ясно, что они вносили в это оценочный характер. Революция — это, как что-то овечье каким-то ореолом, а переворот — это что-то не очень хорошее. Можно ли формально отличить революцию от переворота вот в таких терминах?

О.П. Кузнецов

(слева ректор Московской консерватории **А.С. Соколов**)

Революция — это обязательно потеря управления, причём, особенно важно, потеря монополии на насилие. При перевороте всё это или не успевает вообще произойти, то есть власть перешла и всё, а революция — это действительно потеря управления, потеря монополии на насилие. Если это не удаётся локально предотвратить,

центр власти продолжает терять монополию на власть и дальше, и тогда происходит гражданская война. С этой точки зрения говорить, когда закончилась Гражданская война, — вот тогда, когда это произошло.

У меня, правда, есть один контрпример тому, что я сказал. Это российская Смута начала XVII века. Там вроде потеря управления есть, монополии на насилие нет, но вроде революции и переворота никто увидел. Что это тогда?

Ю.А. Петров

Спасибо за такой интересный вопрос. Вот, чувствуется, коллега ставит системные вопросы. Вряд ли я отвечу полностью, скорее, отмечу переворот и революцию. В английском языке *revolt* и *revolution*, в принципе, не имеют крайне позитивного или негативного плана. Что касается Октябрьской революции, то сами большевики долгое время называли её переворотом. И, в общем, не стеснялись этого. Если я не ошибаюсь, только в десятилетие Великого октября, в 1927 году, утвердилось название этих событий как Великая Октябрьская социалистическая революция. До этого был и переворот, и революция. Так что здесь умаления такого не было, скорее большевики сами ещё не были уверены, что удержат свою власть.

Революция — это когда всю страну надо перевернуть, провести такие глобальные изменения, которые уже необратимы. А, между прочим, первая дата, которую отмечало советское правительство, — 100 дней власти. И очень гордились тем, что уже превзошли Парижскую коммуну по продолжительности пребывания у власти. Они были ещё, на самом деле, сильно в себе не уверены, поэтому и слово это громкое «революция» упоминалось вместе с переворотом. Я бы на этот вопрос так ответил.

А.Н. Привалов

Кто ещё хотел бы вопрос задать?

А.М. Трояновский, заместитель директора Института физических проблем РАН имени П.Л. Капицы, кандидат физико-математических наук

А.М. Трояновский

У меня вопрос по поводу термина «гражданская война». Если была интервенция, значит, это не чисто гражданская война? Или интервенция была незначительная?

Ю.А. Петров

Я не знаю. Ну не чистая. Где была так в чистом виде гражданская война? Но, может быть, в вашем вопросе есть такой подтекст, что это всё из-за них, из-за интервентов, а у нас, может быть, ничего бы между собой не произошло, мы бы как-то всё решили. Могу вас заверить, что взаимная ненависть, неприязнь и неприятие были уже высокого градуса. И на результат военного противоборства между «красными» и «белыми» фактор интервенции решающего влияния не оказал.

М.В. Ремизов, президент Института национальной стратегии, кандидат философских наук

М.В. Ремизов

У меня вопрос, наверное, к обоим докладчикам. Кто такие «белые»? В принципе, есть ответ, что это однородная масса. Другие говорят, это те, кто с оружием в руках противостоял большевикам. Я хочу сказать, что ситуация принципиально асимметричная. С одной стороны, мы видим организованную политическую машину, потом военно-политическую. С другой стороны, мы видим какой-то конгломерат. Как вы это воспринимаете? Мне кажется, это важно, чтобы понять, насколько вообще можно говорить про «красных» и «белых». Есть ли «белые»? Есть ли другое поле?

Ю.А. Петров

Как будто были всегда, а сейчас вроде растащили. Я не знаю, мне кажется, ваш вопрос как бы на обострение дискуссии, на оживление.

М.В. Ремизов

У белых нет одного проекта, это разные абсолютно люди с разными взглядами, в разных контекстах, которые сражались с большевиками. Может быть, я не прав и в историографии есть какой-то пример для понимания.

Ю.А. Петров

Мне кажется, что «белые» — это «не красные». Вот те, кто против «красных», это «белые». Но, правда, были ещё и «зелёные», которые были против тех и других. И их нельзя относить к «белым». Но проблема, мне кажется, не в том, что у красных была такая хорошая госмашина, всё было чётко, централизованно и работало эффективно — и террор и прочие вещи. У красных, мне кажется, главная проблема была всё-таки в отсутствии единого согласованного управления. И слишком много было амбиций между отдельными фронтами и предводителями войск. Вот это отсутствие координации и отсутствие единого управления, мне кажется, была основная стратегическая слабость белых, в отличие от красных.

С.А. Экштут

Я с вашего позволения тоже продолжу. Вы это лучше меня знаете, есть бинарные системы, есть тернарные системы. К сожалению или к счастью, в государстве Российском всегда были бинарные системы. И либо какой-то полюс побеждает, либо он оказывается побеждённым. Какого-то элемента — государственности или гражданского общества, — который бы сохранялся и сохранял некие традиции, у нас не было.

Мне понравился ваш вопрос, потому что он связан с предыдущим вопросом. Всё зависит от масштаба рассмотрения. Если мы смотрим в масштабе нескольких дней или месяцев, можно говорить о перевороте. Если мы говорим в масштабе нескольких лет, мы говорим о революции. Если мы приближаем окуляры, мы говорим — да, не только белые не были едины, и красные не были едины. И здесь были очень сильные противостояния.

Взгляд на строительство Красной армии у Троцкого отличался от взгляда на этот же предмет у товарища Сталина, и товарищ Сталин под Царицыном мог себе позволить игнорировать указания Троцкого и Троцкий ничего не мог с этим поделать. А то, как к военспецам относился Троцкий, не нравилось ВЧК, и ВЧК выдёргивала каких-то военспецов и иногда даже расстреливала. В ряде случаев Троцкий успевал спасти, а в ряде случаев не успевал.

То же самое было у белых, потому что очень часто бывали такие конкретные ситуации, когда человек, насильно мобилизованный в Красную армию, потом перебежал к белым, где оказывался под судом и его судили за то, что он какое-то короткое время служил в Красной армии. Леонид Митрофанович Болховитинов, генерал-лейтенант Русской императорской армии, начальник штаба Кавказской армии, бежавший из Красной армии в Белую, был разжалован из генерал-лейтенанта в рядовые и в течение года или полутора ходил с солдатским ранцем, потом его произвели в ефрейторы, потом в унтер-офицеры, потом вернули всё. Вот доходило до таких вещей.

Так что единства не было ни по ту сторону, ни по другую. Всё зависит от того, через какой окуляр мы разглядываем. Если будем смотреть через микроскоп, мы скажем: «Да,

действительно, всё распадается». Но всё возвращается вот к чему — требуется историческое осмысление, которого в ряде случаев нет или оно запаздывает. Вот так.

А.В. Виноградов, *руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, доктор политических наук*

А.В. Виноградов

У меня вопрос по поводу высокой актуальности темы. Изменился ли с точки зрения современной исторической науки исторический смысл Гражданской войны и революции с открытием архивов, если говорить о проблемах понимания и обобщения? Что изменили архивы, которые были открыты, в нашем понимании этих исторических событий?

Ю.А. Петров

Я сегодня пытался об этом сказать. Мы увидели «белую» Россию, какую не видели раньше никогда. Повторяю, на этом пути открытия «белой» России многое сделано было нелепо и грубо. Сейчас вспомнил фильм «Адмирал», где есть сцена, на 180 градусов развёрнутая точно из «Чапаева», где звероподобный Петька и Анка расстреливают рыцарственных красавцев каппелевцев [белогвардейцы, служившие под командованием генерала Каппеля]. Инверсия, мне кажется, дурная. Так мы не познаем «белую» Россию, а начинаем создавать новые иллюзии, создаём миф о той России, какой она могла бы быть. Зачем же другую-то сторону чернить и изображать там всех дебилами?

С другой стороны, мы стали всё-таки смотреть на белых нормальными глазами, а не по фильму «Адъютант его превосходительства». Это была первая попытка, довольно романтическая: Юрий Соломин, красавец, штабс-капитан в аксельбантах — впервые тогда белые офицеры были представлены сочувственно. Теперь, благодаря усилиям историков, мы разглядели реальный облик этой «белой» России, и это, мне кажется, весьма отрадно.

Второе, о чём я пытался сегодня сказать, может быть, слишком кратко, — о том, что война принесла стране. Мы должны понимать, что Гражданская война — это самое разрушительное, что может произойти со страной, когда она сама себя начинает уничтожать с обеих сторон. Понимание того, что Гражданская война — огромное зло для нации, мне кажется, тоже довольно важная часть общего понимания, к которому мы последние тридцать лет пытаемся прийти.

А.В. Виноградов

Можно уточнить? Но позитивный смысл был в Гражданской войне или только разрушение?

Ю.А. Петров

А я не понимаю, чей смысл-то? Бога? О каком смысле речь идёт?

А.В. Виноградов

Вот нас, носителей народа, истории, государства.

Ю.А. Петров

Я всё равно не понимаю. Происходит вооружённое столкновение двух частей одной нации. Если речь идёт о конспирологии, если кто-то говорит, что их, так сказать, стравили всякие зловредные иноагенты, — это чушь. Это не так. Какой иной в этом смысл? Смысл в том, что Гражданская война всё-таки есть продолжение старого, давнего внутреннего конфликта, но уже вооружённым путём. То есть надо понимать, что есть такие корни, которые к этой войне ведут. Я бы так ответил. Я прошу прощения, Владимир Прохорович хочет сказать. Пусть скажет.

А.Н. Привалов

Минуточку. Если мы переходим к выступлениям, вы будете вторым [В.П. Булдакову]. Есть ещё вопросы?

А.Л. Гнездилов, *соучредитель архитектурного бюро «Остоженка», член-корреспондент РААСН*

А.Л. Гнездилов

Окончание войны — я хочу понять, что является концом войны. Вы сказали, что окончанием в данной Гражданской войне можно считать военную победу одной стороны над другой. Но нам известно, что у большевиков была ясная идеология, которая объединяла все эти усилия и давала образ будущего. А был ли проект у белых?

Меня интересует концептуальное видение будущего белых. Или это абсолютно, как мы понимаем, очень разобщённое, противоречивое отношение друг с другом очень самолюбивых людей, каждый из которых боролся за лидерство, и так далее? То есть была ли концепция? У большевиков была.

Ю.А. Петров

Ну, во всяком случае, у Ленина точно была. Что касается белых, мне кажется, их убила недоговорённость, непоследовательность. Их основной идеологический постулат — непредрешенчество. То есть мы не будем предрешать и государственный строй, и ту экономическую систему России. Мы сначала победим большевиков, а затем выберем Учредительное собрание, и вот пусть оно решит. А мы предрешать не будем.

Ну а крестьяне видели за этими благими фразами явное желание вернуть помещиков, посадить царя, в общем, восстановить все прежние порядки, которые им совсем не нравились. И в этом смысле мне кажется, что слабость Белого движения в целом была именно в том, что они для серьёзной массы населения, для того же крестьянства не выдвинули тех лозунгов, которые повели бы их за собой и увели бы от большевиков.

А.Н. Привалов

Спасибо. На этом мы вопросы всё-таки завершаем, потому что надо же дать нам самим высказаться, господам докладчикам тоже интересно послушать.

Первым записался на выступление Вадим Прохорович Булдаков. Пожалуйста.

В.П. Булдаков

Я действительно имею некоторое отношение к историографии Гражданской войны, поскольку ещё в застойные годы полтора десятка лет проработал в секторе Октябрьской революции и Гражданской войны ИРИ РАН. Затем был заместителем председателя Научного совета по истории Октябрьской революции, который в известное время был переименован в Совет по истории социальных движений, войн и революций. Характерное, заметьте, переименование.

К чему я об этом говорю? К тому, что сейчас всплыл ряд вопросов по данной проблематике, которые отражают всю глубину нашего непонимания произошедшего. А ответов нет. Это касается, между прочим, и историков. Почему? Конечно, подчас просто боятся. Сложная, больная, тяжёлая тема. Опасаются сказать «лишнее» — то, что идёт вразрез с так называемой исторической памятью.

Впрочем, начну с названия нашего сегодняшнего заседания: «Война, которую не объявляют». Гражданские войны действительно не объявляют. Зачем объявлять, когда они развёртываются сами собой, стихийно, как и революции? Правда, в России было несколько иначе. Примерно со второй половины 1917 года все только и делали, что писали и кричали буквально на каждом углу о приближении гражданской войны: «А когда все начнётся? Когда выступят большевики?»

В.П. Булдаков

Конечно, можно сказать, что большевики фактически объявили гражданскую войну в ночь с 25 на 26 октября 1917 года в форме призыва к мировой революции. В Декрете о мире провозглашалась война против всех, против всего мира «эксплуататоров», включая собственных «буржуев». Альтернатива не допускалась.

Что касается сил, противостоящих большевикам, имея в виду Алексеевскую организацию, возникшую на Дону, то они практически одновременно объявили большевиков вне закона. То есть гражданская война, в моем понимании, начинается, когда одна часть общества объявляет другую часть вне закона как бы от лица государственной (старой или новой, реальной или мнимой) власти. Так, белогвардейцы ориентировались на старую власть, большевики — на собственную власть, которая якобы была провозглашена Съездом Советов. Возникла именно такая ситуация.

Характерно, с другой стороны, что уже после большевистского переворота политические действия на некоторое время (вплоть до разгона Учредительного собрания) развернулись вокруг вопроса о том, как остановить реально возникшую Гражданскую войну. В данном случае неважно, насколько искренне звучали подобные призывы, но многие действительно пытались её остановить. Была такая организация «Викжель», очень могущественная профессиональная организация — Всероссийский союз железнодорожников, именно с её помощью пытались инициировать соответствующую кампанию. Каким образом — понятно, угрожая парализовать передвижение противостоящих друг другу сил. Не получилось, большевики их надули.

Подавляющая часть Учредительного собрания (преимущественно эсеры) также выступала под лозунгом прекращения Гражданской войны, то есть косвенно признав, что де-факто и де-юре она уже шла.

Уже на начальном этапе Гражданская война кое-где приняла вооружённый характер. В Москве она продолжалась целую неделю после большевистского переворота. Именно тогда появилась так называемая Белая гвардия, которая состояла в основном

из студентов, гимназистов — в общем, представителей интеллигенции. Им противостояли красные в лице большевизированных вооружённых солдат. Попутно замечу, что такие же солдаты фактически осуществили октябрьский переворот. Именно благодаря им мировая война словно развернулась внутрь России.

Понять подобную взаимосвязь не так просто. У нас до сих пор дискутируют насчёт того, когда действительно началась Гражданская война. Раньше было принято считать, что это произошло летом 1918 года. А как же иначе? Ленин говорил о «триумфальном шествии Советской власти», которое продолжалось именно до этого времени. Затем «вмешалась Антанта», стремящаяся подавить «первое в мире государство рабочих и крестьян». На деле Антанта не очень-то стремилась к вмешательству в российские дела — своих забот хватало. Мировая война, надо побеждать с Россией или без неё. Характерно, что первое время большевики с бывшими союзниками поддерживали контакты, представители Антанты запросто заходили в кабинеты и Ленина, и Троцкого, вроде бы обсуждали там перспективы восстановления Восточного фронта. Конечно, со стороны большевиков это была игра, попытка одурачить будущих интервентов. Частично она удалась.

Всё это представлено документами, описано. Никакой тайны вроде бы нет. Однако оказывается, что некоторым «исследователям» произошедшее трудно, подчас невозможно, осмыслить и переосмыслить. Это от слабостей нашего исторического сознания. Дело доходит до нелепостей в связи с «очаговым» (фрагментарным, обрывочным) характером нашей Гражданской войны.

Так, некоторые историки выделяют «малую» и «большую» гражданскую войну: была малая, стала большая. Абсурд, сами участники Гражданской войны очень бы удивились такой характеристике. Гражданская война всегда большая, потому что это окончательный, тотальный раскол всего социального пространства. Несмотря на то, что основная масса населения, с ужасом взирая на происходящее, не желала участвовать в борьбе ни на той, ни на другой стороне. Это было жуткое общественное (а не просто военное) состояние. Гражданская война всегда страшное явление, несмотря на то что боевые потери могут быть не столь велики. Во всяком случае, по сравнению с жертвами всевозможных болезней и эпидемий, военные потери Гражданской войны оказались не столь значительными.

Что касается тогдашней иностранной интервенции, тут тоже открываются любопытные детали. Антанта первоначально не намеревалась вмешиваться во всероссийское военное противоборство — не до того было. Но кое-где, в частности в Архангельске и Владивостоке, накопились колоссальные запасы направленного союзниками в Россию военного снаряжения. Эти склады должны были охраняться — и от расхищения, и с учётом возможности захвата их немцами. А на местах творилась самая настоящая анархия. И тогда в Архангельск (и не только туда) пришли англичане. Пришли, между прочим, по формальному приглашению, но отнюдь не большевиков и не белогвардейцев. Пригласили их в Архангельск некие «нейтральные» политические силы (в основном умеренные социалисты) для решения охранных задач и поддержания порядка. Назвать это интервенцией? И когда она началась? Каковы её масштабы? Увы, некоторые авторы возвели произошедшее в некий концепт — «интервенция по приглашению». В общем, была сначала «хорошая» интервенция, затем стала «плохая».

Несколько лет назад вышла книга канадского историка о канадском экспедиционном корпусе на Дальнем Востоке. Подразделение в 3000 человек не сделало ни одного выстрела в сторону красных, вообще ни одного. Один выстрел, правда, прозвучал: офицер застрелился из боязни принять участие в военных действиях. Так что некоторые интервенты по большей части защищали самих себя. Конечно, в других местах, по мере усиления Гражданской войны, они вели себя похуже. Всякое было, и газы применяли — на войне как на войне. По-разному получалось. Но, в принципе, особого желания вмешиваться в русские дела у них (пока) не было, тем более что у себя дома звучали призывы: «Руки прочь от Советской России!»

Дело в том, что Октябрьскую революцию некоторое время идеализировали на Западе. Причём интеллектуалы, а вовсе не пролетарии. Не без этого. Так что с интервенцией не всё просто. В то смутное время трудно было не заблуждаться. Однако в наше время некоторым кажется, что сами они заблуждаться не способны. Как в своё время «не заблуждались» в своей слепоте большевики. Но главное-то не в этом.

Понятно, что все «сложное» в истории вызывает стремление к «упрощению». Этому особенно подвержены догматики и люди недалёкие. Именно они имплицитно склоняются к тому, чтобы редуцировать Гражданскую войну до одних лишь военных действий только между красными и белыми. Я всегда говорил, что в словосочетании «гражданская война» главное — «гражданская», не «война». Это не просто ситуация «пиф-паф», когда граждане стреляют друг в друга. Люди начинают настолько люто ненавидеть друг друга, что считают, что их противника в принципе не должно быть. И потому его допустимо представить в любом inferнальном виде. Главное — избавиться от него.

При этом Гражданская война в России носила отнюдь не бинарный характер, она была частью системного кризиса империи, предполагавшего возможность возрождения последней в обновлённом виде. Гражданская война была не «красно-белой», а «многоцветной». Юрий Александрович упоминал, что воевали против большевиков не только «белые», были и «зелёные», и «красно-зелёные». Встречались, впрочем, «бело-зелёные». Были анархисты всевозможных оттенков, готовые воевать против всех, кто не разделял их утопий.

В связи с этим возникает вопрос о терроре со всей его эмоциональной заострённостью. Надо сказать прямо: террор революционеров всегда свирепее террора их противников — они наступают (даже заявляя, что обороняются против террора своих противников). Тут имеются свои политико-психологические оттенки. В одном случае большевики ни в чём не сдерживали себя, считали, что по отношению к противнику всё дозволено. В других случаях они старались привлечь на свою сторону колеблющихся. Были и попытки использования не только «попутчиков», но и «классово чуждых» специалистов.

Что касается белогвардейцев, то и здесь всякое бывало. Одно дело так называемые цветные, офицерские полки из добровольцев, другое дело — мобилизованные (главным образом из крестьян). При этом и та, и другая сторона использовала пленных: «красные» ставили в свои ряды захваченных в плен белогвардейцев, «белые» направляли против «красных» бывших военных противников. Перебежчиков также хватало, правда, в основном они были с «красной» стороны — имеются в виду офицеры и генералы из числа так называемых военспецов.

Но помимо «официального» или «идейного» террора существовал и стихийный террор отдельных «атаманов». Жутких примеров такого рода предостаточно. Так, в 1920 году на Дальнем Востоке «красными» был захвачен Николаевск-на-Амуре. Там был японский гарнизон, который тут же сдался. Все 800 японцев были расстреляны. Вслед за тем город был сожжён. А что касается его населения, то оно было разбито на 5 категорий. Первая из них подлежала расстрелу, с остальными обходились более «гуманно». Но без крова остались все. В общем, ни города, ни его жителей не стало. Японцы до их пор вспоминают об этой трагедии, её жертвам поставлен памятник. Но примечателен ещё один момент. Руководитель этой расправы вместе со своими подручными был расстрелян большевиками по стандартному обвинению в «дискредитации Советской власти». И таких случаев было немало. В отличие от большевиков, белогвардейцы не спешили расправляться с собственными неуправляемыми террористами, которых также хватало.

Ещё одну слабость современной историографии составляет склонность к отысканию альтернатив: а что было бы, если...? При этом авторы нацелены исключительно на поиск «положительных» альтернатив. Очевидно, что это из области современной общественной психологии, но не науки как таковой. И бесполезно говорить о том, что история не знает сослагательного наклонения — люди хотят «лучшего прошлого».

Как же в целом оценивать российскую Гражданскую войну и гражданские войны вообще? Я в своё время, в 2007 году, выпустил небольшую книжку «Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления», где сравнивал события Смуты XVII века с событиями начала XX века (и, кстати, конца последнего века). Было показано, как назревал системный кризис, через какие этапы он проходил, каковы были последствия, что было общего в этих кризисах, какие отличия. Так вот, прошло уже много лет (вообще-то начал сравнивать кризисы ещё раньше, с 1991 года), однако сообщество историков практически не реагирует на высказанные идеи.

Дело не в том, что историки слишком «консервативны» и не спешат освободиться от известного рода догм и мифов. Изучать Гражданскую войну и революцию снизу трудно вообще; ещё труднее взглянуть на происходящее с точки зрения разрушения, перестройки, ревитализации всего общественного организма буквально на «клеточном» уровне. Задача кажется неподъёмной. И от неё потихоньку отворачиваются.

Есть ещё один способ уклониться от реальной оценки гражданской войны — объявить таковой всякий вооружённый конфликт в любой исторической период. Скажем, «восстание Башмака» в Германии — это гражданская война. А Гражданская война в России, конечно, продолжалась то 1926 года, когда был ликвидирован за ненадобностью Туркестанский военный округ. Простота, как говорится, хуже воровства.

Так что ситуация с изучением Гражданской войны достаточно непростая и этого не надо скрывать. Сделано уже много, но те болячки, о которых говорил Юрий Александрович, остаются. Был, скажем, в 1990-е годы перекоп на изучение белых, в психологическом отношении для того времени совершенно естественный, но в познавательном отношении неоправданный. Изучение большевизма, особенно их экономической политики, было на время заброшено. Положение не очень вдохновляющее.

Чем хотелось бы закончить? Я, вообще-то, непосредственно сражениями Гражданской войны не занимался, ограничивался 1918 годом. Но при этом я как-то опубликовал несколько статей о газетной поэзии Гражданской войны. Надо заметить,

что, начиная с Первой мировой войны, все газеты были заполнены самодеятельной поэзией. Гражданская война не составляла исключения ни с той, ни с другой стороны.

Кстати, первым к этой тематике применительно к местной прессе обратился один уральский автор, даже не историк, филолог. К собранному им материалу осталось лишь добавить ряд других газетных публикаций (по принципу случайной выборки), начиная от Мурманска и кончая Владивостоком. Получилась достаточно отчётливая картина. Собственно, о чём писали белые, о чём — красные? С последними всё ясно — «по трупам пройдем в социализм». Сомнений нет. Что касается белых, то здесь нечто противоположное: глубочайшее уныние, пессимизм, надежда на союзников и проч. Такие люди Гражданскую войну выиграть не могли. К тому же они не представляли, не могли договориться о том, что делать после того, как победят. Учредительное собрание им уже не нравилось, возвращения монархии тоже не особенно хотелось. А потому преобладал лозунг так называемого непредрешиченства. Но как побеждать, воюя неизвестно за что? Вот такие факторы, между прочим, незримо направляли ход Гражданской войны.

А.Н. Привалов

Спасибо. Владимир Владимирович, теперь вы.

В.В. Бортко, режиссёр, сценарист, народный артист России

Спасибо за предоставленное слово. Думаю, что я сейчас огорчу наших учёных друзей, потому что предложу свою концепцию Гражданской войны и вообще войны в России.

Тут была фраза о том, что все гражданские войны одинаковы. Это, на мой взгляд, принципиально не так, потому что американская Гражданская война, испанская Гражданская война и наша Гражданская война — совершенно разные, по разным причинам происходящие и мало между собой общего имеющие. Французская ближе к нам, но только ближе — только и всего. У меня возникает вопрос: почему случилась Гражданская война? Что являлось причиной этого? Ну да, несоответствие одного, второго, производственных отношений, всего остального. Это всё так. Но почему именно сейчас? Почему именно в России? Что это?

Давайте копать немножко глубже. Давайте вспомним Ивана Грозного, его переписку с князем Курбским. Вот начало, вот оно где! Одно — европейское сознание, поворот страны в эту сторону, а другое — это монархия, самодержавие, сохранение всего, что есть. Плохо ли это, хорошо, не суть важно. Важно — это две тенденции. И дальше они продолжают таким же способом на протяжении всей истории России вплоть до сегодняшнего дня.

Декабристы. Явный поворот в Европу, явное желание разрушить государство, существующее здесь. Светлые идеи равенства и всего остального. Не получилось немножко. Слишком сильным оказалось государство в тот момент. Да, страшная трагедия народа. Так, а что, большевики были близки к народу, что ли? Да нет! Государство было не мощным, таким, как тогда. Или, например, та же самая Гражданская война, «красные» и «белые», говорят, «зелёные», такие-сякие. Просто нужно брать в общем, на мой взгляд. Существуют люди, желающие изменить устройство страны, повернуть его в сторону Европы прежде всего. Ленин со товарищи, мировая революция — что

это такое? И люди, которые охраняют то, что было. Да, идей у них собственных больших не было, кроме «давайте сделаем так, как было». Возрастная идея. Вообще, они проиграли именно поэтому. Ну ладно, не об этом.

Дальше, например, та же самая история большевиков. Ленин: давайте сделаем как в Европе! А что Иосиф Виссарионович делает? Наоборот, всё наоборот! Поворот абсолютный — создание мощного государства, империи, тут никакой тайны нет. То есть вместо минуса или плюса, я не знаю, у первых большевиков, теперь совершенно другая история — сохранение государства, устройства его. Получилось, прямо скажем.

В.В. Бортко

Что произошло дальше? Никита Сергеевич не отдавал себе в этом отчёта, но когда он сказал: «Обогащайтесь», — это и был поворот, тот же самый поворот в другую сторону. Разрушение государства как такового. И оно разрушилось через 30 лет. Начало было на XX съезде. «Обогащайтесь!» Это было сказано не впрямую, но смысл был такой: давайте, ребята! а почему, собственно, я должен жить хуже, чем там? ну раз так, то поехали дальше.

То же самое происходит на протяжении всей нашей истории — охранение государства и его разрушение, поворот в сторону, прямо скажем, назад. Вот в чём, по-моему, причина всего этого, откуда это идёт. И когда государство становится слабее, — получилось то, что получилось.

Поэтому Гражданская война, в принципе, не прекращалась от Ивана Грозного по сегодняшний день. Только иногда она выплывает наружу, а иногда чуть-чуть её прижимают. Вот такой мой взгляд на историю и Гражданскую войну. Она не прекращалась никогда, не начиналась и не прекращалась! Это следствие устройства государства Российского — полная монархия со царём во главе. По-другому уже быть не может. Естественно, вызывается реакция. «Так было, так есть и так будет всегда!» — как поётся в нашем гимне. Я всё сказал.

А.Н. Привалов

Спасибо, Владимир Владимирович. Вы всегда вселяете оптимизм. Профессор Устюжанина, прошу вас.

Е.В. Устюжанина, *руководитель отделения макроэкономики моделирования региональных систем ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, профессор*

Добрый вечер, уважаемые коллеги. Прежде всего, я хотела бы выразить благодарность нашим докладчикам, очень и очень было интересно. И у меня будут такие спорные вбросы. Начну просто с ремарки. Всё-таки до фильма «Адъютант его превосходительства» были «Тихий Дон», «Хождение по мукам» и другие литературные произведения, где белые тоже не были только зверюгами. Просто дело в том, что не все читали. «Адъютант его превосходительства» смотрели, а вот читать у нас как-то люди не очень.

Е.В. Устюжанина

Но всё-таки, мне кажется, что как революция, так и Гражданская война начинаются тогда, когда в обществе накапливается — понятно, это моё марксистское воспитание даёт себя знать — энное количество противоречий, реальных противоречий. И поэтому, когда мы говорим о той нашей якобы безмозглой интеллигенции, которая приветствует изменения, — могу сказать про себя, что я относилась к этой безмозглой интеллигенции в середине и конце 80-х годов, когда я действительно считала, что можно совместить социализм с хозяйственным расчётом, когда я приветствовала выход закона о кооперации, о предприятиях, а потом в своей докторской диссертации объясняла, как эти законы разрушали советскую экономику. Ну вот так бывает, что вроде бы тот же самый университет окончила и якобы что-то понимала, а приветствовала, потому что казалось, что это действительно прогрессивное направление. И хочу обратить ваше внимание, что действительно огромная часть гуманитарной интеллигенции, да и технической тоже, очень хорошо относились к этим

преобразованиям, которые тогда были. Что, мы с жиру бесились? Да нет, мы хотели как для родины лучше. По крайней мере о себе так могу сказать.

Второй вопрос — что потом произошло: распад страны, дикое падение ВВП, просто исчезновение огромного количества отраслей. И в отличие от того, что было после революции, когда, да, было падение ВВП, но начали практически сразу восстанавливать промышленность и создавать новые отрасли, у нас 30 лет всё совершенно иначе. Мы теряем, и теряем целые отрасли промышленности. И в данном случае можно сколько угодно говорить о высоких, извините, Владимир Владимирович, русских идеалах, о том, насколько нам свойственен консерватизм и вера в царя-батюшку...

Я много лет занималась авиастроением, мы держали 40% рынка гражданских самолётов. Сейчас — 1,5%, да и то с приписками. Давайте посмотрим на наше станкостроение, давайте посмотрим на то, что у нас творится с медициной, что у нас творится с образованием. Будем продолжать верить в идеалы консерватизма?

Юрий Александрович нам говорит о том, что сейчас открываются архивы, что историки могут теперь глубже изучать те или иные исторические события. А что происходит с сознанием, скажем так, основной массы населения?

Дорогие коллеги, ваши доклады были вторым и третьим, которые я выслушала сегодня. Первый доклад — это я из-за сегодняшних пробок 55 минут слушала таксиста, который меня вёз по маршруту, обычно занимающему 15 минут. Он мне объяснял, что происходит в России. По его мнению, во всём виноват Пётр Первый. «Что, — говорит он, — кораблестроение начал создавать? А что, у нас до этого кораблей не было?» Мои робкие попытки сказать о том, что кроме того, что есть корабли, есть ещё скорость, манёвренность, дальность и так далее, что есть нарезные и гладкоствольные ружья, услышаны, естественно, не были

Можно, конечно, просто посмеяться. Но этот таксист не одинок в своём представлении об истории России. Представлении, когда все наши попытки хоть как-то что-то заимствовать у Европы трактуются как жидомасонский заговор. Юрий Александрович, ещё раз. Сопоставьте тот уровень, на котором вы и ваши коллеги исследуете историю, и то огромное количество мифов, которое будоражит народ. **[Ю.А. Петров: «Это таксист всё рассказывал?»]** Он же мне объяснял, что, оказывается, все наши активы уже давным-давно принадлежат олигархам. Мои попытки сказать, что у нас в 2000-е годы произошла массовая национализация и возвращение очень многих активов под контроль государства, либо прямой, либо опосредованный, вызвали только один ответ: «Да что ты там знаешь!»

Этот таксист для меня — некая репрезентативная личность, потому что я слышала такие разговоры много-много раз. Вот это тоже накапливает те противоречия, которые, как мне кажется, взорвутся гораздо раньше, чем через 30 лет.

В.В. Бортко

Официальные данные: 60% национального богатства принадлежит 1% населения. Это официальные данные.

А.Н. Привалов

Владимир Владимирович, это не очень официальные данные, но даже если и так. Мария Александровна Привалова, пожалуйста.

М.А. Привалова, директор ЦУНБ имени Н.А. Некрасова

Я хотела сделать неакадемический вброс, хотя теперь таксист меня предвосхитил в некотором смысле. Я работаю директором библиотеки Некрасова в Москве, и у нас есть такой проект «Сезонные чтения», где мы проводим конкурс рецензий на книги, которые читатели берут в библиотеке и ведут читательский дневник. Возраст участников — от 5 до 83 лет, смотреть, что они читают и как они про эти пишут, — довольно увлекательный процесс. И когда мы не понимаем, как оценить написанный текст, мы обычно идём проверять, что знаем про этого человека и сколько ему лет, потому что в каких-то случаях это оказывается важным. Понятно, что текст об одном и том же, написанный 17-летним человеком и, например, 53-летним, — тексты разные.

М.А. Привалова

В частности, у нас была какая-то участница, я не смогла её найти точно, но пыталась найти её дневник. Кажется, ей было чуть за 20. Прочла она «Тихий Дон» и рассказывала о том, как посмотрела вообще на мир по-новому, потому что привыкла, ей же всегда рассказывали, что красные хорошие, а белые плохие. Мы ещё раз проверили возраст, потому что я удивилась. Я плохо знакома с современным средним образованием и удивилась тому, что, видимо, всё ещё рассказывают, что красные — хорошие, белые — плохие.

И тут мне кажется, что в том, что сейчас происходит с культурными, просветительскими проектами (про науку я не знаю и не говорю), — с ужесточением правил игры, требованием от деятелей культуры, образования и искусства как минимум не критиковать и желательно поддерживать происходящее в стране, заодно происходит необходимость осмысления страны по-новому, выработывание новой риторики.

Может быть, вы читали про конференцию, на которой разрабатывался ДНК России. Я принимала участие в этой конференции и что, в частности, увидела там — это абсолютную неспособность у участников признать не очень удачной какую-либо точку в истории. Все работали в группах несколько дней, всё было очень серьёзно. В какой-то

момент мы записывали тезис, и юноша, который его записывал, историк, кажется, из Екатеринбурга, говорит: а что-то мы будто что-то плохое хотим сказать. Речь шла об эпохе Романовых. Я говорю, мы же вроде не обязаны хвалить обязательно эпоху целиком, у нас вроде не в этом задача.

Но на самом деле кажется, что в любой попытке обобщения и взгляда на себя сейчас — не академического, про который вы говорили сегодня, а какого-то требующего выхода в публичность, — все ожидают друг от друга, что нужно рассказывать хорошее. А вот Гражданская война — это же такая точка, где трудно рассказывать хорошее. Во-первых, потому что происходит ужасное, во-вторых, потому что сейчас вроде как — вы как раз об этом и рассказывали только что в докладах — нужно не сторону выбирать, а разбираться с тем, как это было устроено. Но, кажется, что отсутствие самого примирения, осознания как травмы и рефлексии той же Гражданской войны приводит к тому, что в публичной риторике очень мало опыта признания, что ты не прав. И это отражается и в культурных, и в просветительских проектах.

Собственно, мой тезис в том, что, наверное, это и не академическая задача, но в то же время, видимо, без академиков с этим справиться-то нельзя, — разобраться с тем, чтобы признать, что было плохо. Без того, что кто-то обязательно был прав и кто-то обязательно, желательно мы, выиграл.

А.Н. Привалов

Спасибо. Господин Механик — прошу вас.

А.Г. Механик, обозреватель журнала «Эксперт»

Я бы начал с пресловутого таксиста, о котором тут говорили. Я хочу обратить внимание на то, что такие люди, как Трамп, представляют своих американских таксистов с такими же точно взглядами. Так же, как Ле Пен во Франции. Более того, в Америке, где я один раз был по приглашению, когда ещё можно было, американского демократического института, нас водили на выборы. Тогда выбирали первый раз Клинтона. Нас привезли в штаб одного из кандидатов Росса Перо. Это был крайне правый кандидат, который как раз помог Клинтону выиграть, потому что отобрал голоса у Буша-старшего, чем расколол консервативный лагерь. Одна из активисток этого кандидата убеждала нас в том, что Америке угрожает всемирный заговор врагов и штаб этого заговора в ООН. И что с этим что-то надо делать — и с этим заговором, и с этой проклятой организацией.

Я к тому, что эти взгляды характерны для очень многих и существуют во многих обществах. К сожалению, теория заговоров — это характерное заблуждение для очень многих людей, в том числе и для представителей определенной части интеллигенции, так скажем, а не только таксистов.

Теперь о роли интеллигенции, здесь её так попинали немножко за безответственность, за то, что она постоянно разрушает или участвует в разрушении. На самом деле есть хороший французский пример. Ведь дело не только в Великой французской революции, где интеллигенция играла ту же самую роль, что и у нас. Но если взять уже вторую половину XIX века, когда возникло движение дрейфусаров [сторонников пересмотра дела капитана Дрейфуса, преступно обвинённого в государственной

измене], большая часть французской гуманитарной интеллигенции была на его стороне. И многие её упрекали в том, что она своими действиями, борьбой за Дрейфуса разрушает государство.

А.Г. Механик

Но что оказалось? На ближайших выборах эти интеллигенты победили. И оказалось, что они не худшие государственники, чем их оппоненты. Более того, с началом Первой мировой войны все эти бывшие защитники Дрейфуса стали яркими патриотами, возглавили Францию и заняли крайне патриотическую позицию. Более того, я читал дневники одного из радикальных французских анархистов, из которых видно, как менялась траектория его сознания. Он оказался втянутым в государственную деятельность в связи, в том числе, с войной и, будучи анархистом призывал за несколько лет до этого к разрушению государства, он занял крайне патриотическую позицию.

Я к тому, что допустите людей, сегодня безответственных, к власти — и они вынуждены будут стать ответственными. **[Реплика из зала:** «Уже был такой опыт.»] То же самое можно сказать и о большевиках, которые вроде были за разрушение всего и вся, но, когда пришли к власти, поняли, что власть надо как-то организовывать. И, хочешь или не хочешь, нужно применять определённые меры, иногда с излишеством.

То есть я к тому, что упрекать российскую интеллигенцию в том, что она носит разрушительный характер, бессмысленно. Позовите её во власть, и она займёт вполне себе патриотические и государственнические позиции.

Теперь, возвращаясь к Гражданской войне и к тому, что было её началом. Во-первых, действительно страшное ожесточение, которое существовало в обществе ещё до даже Первой мировой войны. Меня поразила переписка Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского с Савинковым [один из лидеров эсеров]. Недавно был издан сборник их переписки, где можно прочесть, что Мережковский писал: «Во всякой революции наступает такая решительная минута, когда кому-то кого-то надо расстрелять, и притом

непрерывно с лёгким сердцем, как охотник подстреливает куропатку. А если возникает малейшее сомнение, то всё к черту летит — революция не удалась». Не Савинков пишет, а они пишут Савинкову! Но когда произошла революция он, как известно, сбежал во Францию и даже фактически поддержал вторжение Гитлера в Советский Союз.

Я к тому, что это ожесточение и непонимание последствий этого ожесточения действительно присутствовало. Другое дело, что требуются объяснения этого ожесточения, но оно присутствовало, это было заложено уже в идеологии, сегодня об этом говорилось. Но если говорить конкретно о начале Гражданской войны, то мне один активный участник Гражданской войны говорил, что его к участию в ней подтолкнуло. Он был человеком из семьи сельских интеллигентов, его родители были учителями в донской станице. В июле 1917 года во времена известного июльского кризиса в Москве и Петрограде, в Ростове это обернулось тем, что уже сформировавшиеся в отряды белоказаки ночью вырезали дежуривших в местном Совете. А были там школьники, учащиеся гимназий, демократические активисты того времени — их просто убили. И для него это было толчком к тому, какую сторону выбрать. Для него начало Гражданской войны было в этом акте.

Относительно недавно вышла книга «Красная атака, белое сопротивление: 1917-1918» [Питер Кенез, профессор Калифорнийского университета, историк], как раз тоже про Дон времен революции. В его описании Гражданская война началась со столкновения между казаками и иногородними в Таганроге, где сначала казаки загнали большую группу иногородних рабочих в какой-то подвал и сожгли. После чего рабочие поднялись и загнали уже казаков в какой-то подвал и тоже сожгли. Этот «обмен ударами» автор считает началом Гражданской войны.

Кстати сказать, большую роль в этом ожесточении, безусловно, сыграл Декрет о земле. Здесь уже кто-то говорил об увлечении крестьян «чёрным переделом». Ведь на самом деле для большинства большевистской партии Декрет о земле был большим потрясением, потому что он полностью противоречил большевистской аграрной программе. Но Ленин, побывав на Первом съезде крестьянских депутатов в середине 1917 года, увидел, какой энтузиазм вызывает лозунг «чёрного передела», и написал Декрет о земле именно в этом стиле, считая, что это поднимет крестьянство. Что и произошло. Мы знаем только, как это подняло и к чему это дальше привело.

Я к тому, что здесь очень много деталей, Гражданская война — сложный процесс, и без таких деталей понять, как это всё развивалось, наверное, очень трудно.

И последнее замечание — о нынешней ситуации. Я слежу за социальными сетями, не столько сам участвую в них, сколько слежу, в том числе и за дискуссией, которая постоянно возникает в соцсетях вокруг проблем нашей революции, Гражданской войны, белых и красных. Меня поражает ожесточение, с которым ведётся это обсуждение. Это не просто дискуссия, пусть не научная, но всё-таки дискуссия. Это холодная гражданская война, о которой здесь кто-то сказал. Это беспредельное ожесточение. Вопрос — как примирить эти стороны, как преодолеть это уже столетнее противостояние в головах людей.

Для меня пример — Франция, но, к сожалению, этот пример сейчас невозможен или, точнее, слишком опасен. Во Франции до Второй мировой войны противостояние между условно «белыми» и «красными» и ожесточение, идущее со времён Великой французской революции, было очень сильным. Но когда немцы напали на

Францию, то произошёл перелом. Часть условных «белых» перешла, как известно, на сторону нацистов, но большая часть, тот же де Голль, который себя позиционировал до войны как условно «белым», объединилась с «красными». «Белые» сказали, что да, Французская революция нам не нравится, но это наша революция и не лезьте к нам со своими моральями (немцы были против этой революции).

После войны это противостояние фактически исчезло. При том что «белые» всё равно относились к революции плохо, условно «красные» её поддерживали, но не было уже той жестокости противостояния. Дискуссии продолжались, но жёсткое противостояние исчезло, эти люди поняли, что это их собственная история и её нужно понять и не рвать друга на части. Можем ли мы так? Это для меня вопрос.

А.Н. Привалов

Как говорил покойный Жванецкий, большая беда нужна. Прошу вас, господин Егев.

С.В. Егев, *главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук*

В школе нас плохо учили истории Гражданской войны. Обычный выпускник слабо разбирается в том, что там происходило на фронтах, но ещё меньше мы знаем о том, как протекала жизнь в тылу по обе стороны фронта — обывденная жизнь, профессиональная жизнь, культурная жизнь. Поэтому часто приходится сталкиваться с вопросом: а развивались ли наука и техника во время Гражданской войны? Казалось бы, не до этого было. Так вот, оказывается, развивалась. Мало того, научно-техническая сфера часто не замечала, как по России прокатываются фронты.

С.В. Егев

Мы знаем, что в октябре 1920 года в Россию приезжал Герберт Уэллс и имел встречу в Кремле с Лениным. На память об этой встрече нам осталась удивительная

фотография: у Ленина на лице такая благодушная, мечтательная улыбка. Казалось бы, оснований для благодушия не было. Октябрь 1920 года — это время, когда подписывался униженный договор с Польшей в Риге, вопрос с Врангелем был ещё далеко не решён, Дальний Восток жил своей отдельной от Москвы жизнью. Но тем не менее Ленин дал волю уверенному оптимизму в своём рассказе о научно-технических перспективах России. Уэллс исполнился скепсиса, назвал собеседника «кремлёвским мечтателем» — и напрасно, потому что оптимизм Ленина основывался на хорошем знании научно-технической сферы тогдашней России.

Идеализировать тогдашнюю ситуацию не нужно — например, гуманитарные науки после революции очень сильно пострадали. С научно-технической частью было полегче. В общем, несмотря на довольно бедственное бытовое положение учёных (с чем Уэллс успел познакомиться), были важные факторы, которые работали в пользу научного и образовательного роста даже во время Гражданской войны.

Во-первых, сохранялись большой потенциал и авторитет русской дореволюционной науки, а также интегрированность в европейскую науку, которой не помешала даже Первая мировая война. А во-вторых (и Ленин об этом факторе знал), в отсутствие бюрократии было легко создавать новые научные институты. И зачастую институты, многие из которых живы до сих пор, создавались просто по записке, например наркома почты и телеграфа. Поэтому, хорошо зная положение дел, Ленин столь уверенно рассказывал Уэллсу о перспективах электрификации и прочего. Мол, приезжайте опять лет через 10, посмотрите, как у нас всё завертится.

Потенциал развития был ещё и в том, что институтские кафедры в Москве и Петербурге были все заняты. И амбициозные молодые учёные со степенями в отсутствие центральных вакансий отправлялись в другие города. Куда, например? Например, во вновь созданный Омский сельскохозяйственный институт, через который фронт прокатился несколько раз. Решение о его создании было принято Временным правительством. Реализацию решения взяло на себя советское правительство, молодые учёные из Москвы и Питера стали заполнять преподавательские вакансии на кафедрах в марте 1918 года, то есть при советской власти. Набор студентов начался уже при Колчаке. При белых начались и исследования. Первые результаты получены уже опять при советской власти. В итоге Омский сельскохозяйственный институт вошёл в историю как кузница будущих советских академиков (Г.С. Ландсберг³, Н.Н. Андреев⁴ и другие).

Эта картина инвариантности науки и образования относительно текущей власти была не стопроцентной, но довольно типичной. Игорь Васильевич Курчатов поступил в Таврический университет при Врангеле, а окончил его при советской власти.

Развивалось и международное научное сотрудничество. Именно во время Гражданской войны советские учёные впервые появились на знаменитом Соловьёвском конгрессе⁵ 1921 года. В этом же году Пётр Леонидович Капица легально прибыл в кембриджскую лабораторию Эрнста Резерфорда и начал успешные

³ Григорий Самуилович Ландсберг (1890 – 1957) — советский физик, академик АН СССР.

⁴ Николай Николаевич Андреев (1880 – 1970) — российский и советский физик, академик АН СССР, основатель научной школы акустики.

⁵ Соловьёвские конгрессы — серия международных конференций по обсуждению фундаментальных проблем физики и химии, проводятся с 1911 года в Брюсселе.

исследования, оставаясь советским гражданином. Обнаружилось, что такого старта советской науки оказалось достаточно для её успешного развития в 1920-е годы. Большевикам потребовалось не меньше 10 лет, чтобы забетонировать научно-технологическую систему, атомизировать, изолировать учёных и привести их к лояльности. Однако, собственно, в Гражданскую войну научно-техническая сфера выжила и показала хорошие результаты.

В порядке дополнения к сообщениям уважаемых участников хочу сказать, что примирение сторон по окончании гражданских войн — дело долгое и болезненное. В США раны, которые нация получила в XIX веке, в основном затянулись, но до идиллии далеко. Нет-нет, а прорывается это бывшее противостояние, хотя прошло почти 200 лет. Например, в южных штатах США и сегодня очень популярно женское имя Ли, в честь генерала Роберта Ли⁶. Да-да: родители называют своих дочерей именно так в пику северянам, которых много лет уже и в живых-то нет.

А.Н. Привалов

Спасибо. Реплика Юрия Александровича.

Ю.А. Петров

Очень короткая. Всё верно, революция открыла какие-то энергетические кингстоны, заработали лифты, всё это абсолютно верно. И в этом тоже надо видеть следствие революции и победы в Гражданской войне. Но я сейчас хотел сказать о другом. Есть и другие примеры. Знаменитый наш историк, академик Греков Борис Дмитриевич — это имя мы все знаем, директор Института истории, лауреат Сталинской премии, — он всю жизнь держал у себя под кроватью такой саквояжик с набором сапожных инструментов. Он научился сапожному ремеслу и всю жизнь помнил, что когда-то при Врангеле, случайно оказавшись в Крыму, он записался в партию кадетов. И ждал. Он всю жизнь ждал, когда за ним придут. Это тоже была реалья того времени.

А.Н. Привалов

Спасибо. Господа, у меня ещё трое записавшихся. Я обращаю ваше внимание на настенные часы и призываю выступающих к крайней лаконичности. Господин Черников, прошу вас.

А.А. Черников

Знаете, само название «Столетие окончания Гражданской войны», к которому, мне кажется, не один раз мы вернулись, очевидно предполагает не только рассказ о величайшей трагедии нашей страны, у нас было много трагедий, но и осмысление и выводы. Под выводами я имею в виду то, что совсем неплохо бы нам прочувствовать то время, в котором мы сегодня пребываем, с точки зрения нашего исторического опыта, мирового исторического опыта. А в этом плане, я прошу прощения перед замечательными, уважаемыми докладчиками и их рассказами, мне кажется, что такая мягкая позиция к настоящему, скажем, не то чтобы опасна, хотя, может быть, и опасна.

⁶ Роберт Эдвард Ли (1807—1870) — главнокомандующий армией Конфедеративных Штатов Америки во время Гражданской войны в США (1861—1865). Один из самых известных американских военачальников.

У архитекторов (сегодня, кстати, пятеро архитекторов присутствуют на заседании) архитектура делится в целом на собственно архитектуру, на градостроительство и на урбанистику. Часть архитекторов, в том числе присутствующий здесь Андрей Леонидович Гнездилов, занимаются и городами, но урбанистикой архитекторы практически не занимаются — это экономгеография и прочее.

В силу этой профессиональной специфики профессия не только сервильна, она и очень социальна. В своей работе, в поездках при выполнении заказов, нам приходится анализировать и видеть очень много граней — и политических, и социальных, и психологических. Заказчиками архитектуры выступали, естественно, советские бонзы, советские партийно-правительственные структуры, хозяйственные структуры. А в 1990-е, я думаю, что первые 10 лет это были исключительно криминальные структуры. И поверьте, за 30 лет мы перевидали все психотипы, которые только существуют, от убийц, неврастеников, сдвинутых с ума полукриминальных бизнесменов, которые хотели построить себе замки, до правительственных заказов так называемой нашей элиты на самом верхнем уровне. Эти времена очень интересны, потому что отражают срезы всех социальных слоёв общества.

Я не собираюсь произносить какую-то связанную речь, скорее, это некая рефлексия, несколько воспоминаний параллельно. Первое — с чего началось, например, моё формирование картины мира в детстве. Я рос без отца, и мама была на двух работах, экономически было выгоднее нанять домработницу, чем как-то по-другому. Так вот, перепробовав разных тётенок и девушек, после нескольких неудач у нас в доме появилась, говоря простым языком, просто «бомба». Елена Митрофановна. У неё были очки с диоптриями, по-моему, +9, абсолютно седая. К ней приходила иногда сестра Вера, они сидели на кухне, о чём-то говорили. Сёстры были представительницами дворянского рода. А по радио, это уже середина 1950-х, XX съезд, и картинка, конечно, у школьника первого класса не складывалась. Но она вращалась в тебя. Елена Митрофановна заменила мне практически все предметы школы. О чём я очень досажую, что не было греческого и латыни. Эти две дворянки, две сестры рассказывали в том числе о своей дворянской усадьбе. Но что интересно, в 1917 или 1918 году они надели кожанки — практически персонажи «Оптимистической трагедии», отсидели в казахстанских лагерях, каждая по 17 лет. Вот таким образом у меня как у ребёнка формировалось отношение к тому миру, в котором я рос.

Другая зарисовка. Пётр Первый. Мы занимались очень большими проектами в Астрахани, и я встречался с историком Марковым. Из его трудов я вычитал, что первый флагман русского флота, корабль «Орёл» по-моему, 24-пушечный фрегат, был сдан шведским капитаном практически за взятку от прибывших к нему представителей Стеньки Разина. Дальше эта банда напилась на этом корабле, а потом сожгла его. А все корабли Петра Первого, как мы знаем, может, я ошибаюсь, но то, что я почерпнул из истории, все сгнили, потому что были сделаны из сырого леса.

Следующая зарисовка. Что мне кажется очень важным вообще во всей этой истории? Здесь прозвучало у Владимира Прохоровича совершенно чёткое понимание, что системный кризис периодически накатывает на любую страну, на любую культуру, на любую цивилизацию. И кто сказал, что мы сегодня не часть этого огромного системного кризиса?

Мне кажется, мы мало задумываемся, у нас нет ясного представления о конструкции каркаса общества и насколько он прочен. Когда мы говорим о конструкции

каркаса, мы признаем, что здесь должны быть и демпферные зоны, и шарниры, и зоны перехода, то есть то, что прозвучало сегодня, — наличие гражданского общества (его полное отсутствие сегодня). Но при этом надо вспомнить, что при самодержавии существовало земство, и это не спасло Россию. То есть структура гражданского общества, отсутствие среднего класса, о котором сегодня только ленивый не говорит, — те самые элементы каркаса, элементы конструкции, которые могут вселить в нас уверенность, что эта конструкция выдержит. У меня такой уверенности, скажу вам честно, нет никакой. Особенно в этом году.

И о чём бы надо было думать всерьёз, это о том, что мы, извините, профукали (другое слово не знаю) федерализацию нашей страны. Это колоссальная опасность. Искусственное деление, территориальное деление страны, — мы продолжили, на самом деле, традицию большевиков. Это такая смесь искусственной нарезки и национальных республик. В этом тоже одна из огромных опасностей несовершенства нашей конструкции.

Вот часть того, что я хотел сказать и поделиться той тревогой, которая живёт во мне и как в человеке, и как в профессионале. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Андрей Александрович. Вы совершенно правы, конечно, мы часть гигантского системного кризиса. Я с трудом себе представляю человека, который возьмётся это отрицать. Михаил Иванович, прошу вас.

М.И. Москвин-Тарханов

Я о революции, о надежде и о случайности, такой у меня набор. Если переходить к личному опыту, то когда-то я много общался с людьми, которые были в эмиграции, среди «белых», и с другими, которые были среди «красных». Они были тогда уже людьми в возрасте с большим жизненным опытом, как мы здесь сейчас. Это было хрущёвское и брежневское время, не опасное, если не высовываться, и по домам языки развязались, говорили, что хотели. И тут я вдруг обнаружил, что попадание тех или иных людей к белым или красным часто было почти случайным. Вот у одного был друг. Друга убили, он пошёл отомстить за друга. Вот к другому пришли его знакомые и сказали: «Как тебе не стыдно, мы идём в светлое будущее, а ты сидишь!»

Были среди моих собеседников и те, конечно, кто изначально был идейным большевиком, многих из которых Сталин посадил, они вернулись из лагерей. Но у многих выбор был практически случайным. Но в мире случайности были примеры массового рационального сознательного выбора. К примеру, Москва и в 1917 году была удивительным городом. Так, например, это был единственный город в стране, который проголосовал — 32% — за кадетов на выборах в Учредительное собрание. При том, что в других городах в Учредительное собрание проголосовало за кадетов менее 5%. Мы не будем говорить об этом подробно, но это отличие от остальных — пример осторожности и разумности.

И ещё одна особенность: уже в революционной Москве в 1918-1919 году открылось 200 театров и кабаре. Были много танцевальных, художественных студий, поэтических кафе. Жизнь бурлила в условиях голода и разрухи. Люди приспособились к жизни при большевиках, включая молодую разночинную интеллигенцию. И тут в

1919 году разнёсся слух, что Белая армия подходит к городу. И та молодёжь, которая раньше не собиралась воевать ни за красных, ни за белых, пошла записываться в Красную армию. Среди них Тимофеев-Ресовский, будущий знаменитый учёный, и он как раз объяснил, почему.

Во-первых, в Москве так или иначе многие уже были связаны с новой властью, работали в советских учреждениях. А тут придут мстители и всем всё вспомнят. Второе. За ними придут казаки и всё разграбят. И третье. Ушли дворяне и буржуазия, простым городским обывателям был создан лифт социальной мобильности, открылись новые возможности. Ещё Наполеон говорил, что революция — это много новых хороших вакансий. Так курсанты, даже бывшие юнкера и унтер-офицеры видели себя в будущем не подпоручиками, а комбригами, комкорами. А тут придут белые и снова займут все перспективные места и те, кто надеялся на продвижение наверх, окажутся в «придонном бентосе». Поэтому образованная городская молодёжь взяла винтовки и пошла защищать Москву.

Это было осмысленное, понятное действие, рациональное абсолютно с позиции личных перспектив, ожиданий и интересов. В общем иррационализме массового личного выбора, думаю, это было одним из исключений.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Хорошая история. Рустам, прошу Вас.

Р.Э. Рахматуллин, эссеист, страновед

Хотел бы отреагировать на несколько реплик. Вы [О.П. Кузнецову] говорили о плодотворности сравнения Гражданской войны и Смуты. Действительно, когда Деникин взял слово «смута» в название своей книги [«Очерки русской Смуты»], он, вероятно, видел себя Пожарским, потерпевшим поражение.

Р.Э. Рахматуллин

Было сказано, что между окончанием Гражданской войны и примирением лежит большая дистанция. Но 1612–1613 годы — пример краткости такой дистанции. Кто проигравший в 1613 году, кроме внешних сил? И кроме тех, кто продолжал участвовать в разных квазимонархических проектах? Да, ещё гоняли по Дону и Волге Заруцкого с Мариной Мнишек, но в Москве все были победителями. В новой Думе сидели и те, кто были всяко виноваты в Смуте. Та же олигархия плюс-минус. Она позволяла себе пинать Пожарского, которому должна была бы сапоги целовать при каждой встрече. Так что спаситель Отечества оказался рекордсменом местнических споров. Никто не был проигравшим. Была восстановлена государственность.

Вы, кажется, сказали [В.П. Булдакову], что непредрешиченство обрекло белых на поражение. Однако непредрешиченство не обрекло на поражение Минина и Пожарского. Различие в том, что Смута была династическим кризисом и непредрешиченство Минина и Пожарского лежит в лоне монархизма. Многие жители черниговского Юго-Запада верили, что царевич Димитрий выжил. И даже оставались те, которые верили, что он выжил вторично. Это были профанные монархические проекты. Причём в проекте второго Самозванца польская корона видимо не участвовала, только польские ЧВК.

А в 1917 году произошёл кризис самого принципа монархии. Белые не могли предрешичить, за монархию они или за республику и за какие именно, или, может быть, они за военную диктатуру.

В отличие от Смуты, Гражданская война не изжита. Она действительно продолжается в сетях со страшной силой, и даже, извините за конспирологию, кажется, что кто-то ходит в кассу после критического числа постов. Только чья же это касса? Кто эти люди? И зачем они платят? Повторю, это конспирология; наверное, кассы нет.

Гражданская война продолжается и в правовом поле. Разве отменён Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 23 ноября 1917 года? *«Все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются... Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр., титулы — княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование — граждан Российской Республики».* Крестьянское сословие уничтожается в скобках между прочим, через запятую с титулами!

«Гражданин Российской республики» — это ещё Февральская республика, но уже республика. А сейчас имя государства — имя существительное, «Федерация». В тексте Конституции именованная «Россия» и «Российская Федерация» равноценны, а на обложке золотом по бархату — «Федерация».

Быть может, Гражданская война не изжита оттого, что страна переучреждена неправильным образом. Но это сырая мысль, родилась на полях сегодняшнего обсуждения.

А.Н. Привалов

Спасибо. Очень жалко, что вы поздно выступили, потому что многим захотелось много сказать. Но тем не менее я смотрю на часы, мне уже деваться совершенно некуда. Так что, господа докладчики, прошу вас как-то отозваться на всё, что вы услышали.

Ю.А. Петров

Не знаю, надо ли здесь много говорить. Было интересно. Вот чем меня привлекает Никитский клуб — встретишься здесь и с коллегами из институтов управления, и с архитекторами, и есть возможность поговорить на свои вроде бы профессиональные темы, но они оказываются всем интересны. Кажется, мы в этом году уже о Петре говорили в его юбилей, — история подкидывает нам такие юбилеи и вроде бы мимо не пройдёшь.

Сто лет окончанию Гражданской войны. Всё, что я хотел сказать сегодня, в принципе, я уже сказал. Единственноотреагирую буквально парой слов. Владимир Владимирович Бортко меня всегда приятно удивляет своим постоянством, он как Катон, который выступал всегда с одной фразой: «Карфаген должен быть разрушен». А в России должен быть царь — и никак иначе. И если чего-то не получается, то это из-за поворота некоего на Запад. Ну вот не знаю. Видимо, он всё-таки позабыл о Петре Первом: был же и самодержец, и был поворот на Запад, и держава-то не рухнула, прямо скажем.

Мне тоже не очень нравится современный тренд, когда нас опять захотят обвинить в низкопоклонстве перед Западом и в заискивании перед Европой. Иногда даже звучат выражения, что и декабристы были иноагентами, действовали на деньги Ротшильдов. Это звучит, и не на кухне, а в публичном пространстве. Есть такие у нас тенденции, они мне, повторяю, совсем не по нраву, но сейчас такая эпоха, что такие и песни. Главное для нас, для историков, сохранять здесь спокойствие духа, трезвость взгляда и здравый смысл. И то, что сегодня прозвучала ваша реакция, я почувствовал, что всё-таки мы не зря же отмечаем для себя исследования, они для всех важны. Но, повторяю, наше влияние на общество ничтожно, прямо признаемся в этом. Я не участвую в этой блогер-сфере, но совершенно согласен с заключением о том, что там творится какой-то хаос и вакханалия взаимной ненависти.

Мы сегодня, по-моему, в нормальном тоне на этот счёт поговорили, и я просто хочу выразить всем благодарность, кто выслушал, и особенно тем, кто решил отозваться. Коллеги, это было для нас важно. Спасибо!

С.А. Экштут

Буквально пару слов. Я благодарен всем, кто принял участие в дискуссии. Действительно это было очень интересно и действительно Никитский клуб — это единственная территория, где свободно льются мысли. Я полностью разделяю идею о фундаментальной роли Случая в Истории — не только российской, но в истории вообще. Может быть, нам есть смысл об этом поговорить специально. И я думаю, что сейчас действительно завязываются какие-то очень интересные узелки, которые будут развязываться и при нашей жизни, и после. Но я с оптимизмом смотрю в будущее. Я считаю, что эти узлы будут развязаны, надеюсь, без очень большой крови. Я оптимист, все проблемы при нашей жизни решены не будут, так никогда не бывает. **[На реплику из зала]** А, ну это да, действительно, зачем нам такой мир, если не будет России. Это выход, это решение проблемы. Спасибо большое.

А.Н. Привалов

Если позволите, буквально три слова в завершение сегодняшнего вечера. Огромная благодарность нашим уважаемым докладчикам, большое спасибо тем, кто

выступил, кто задавал вопросы, кто внимательно слушал. Буквально несколько слов.

Зарифмовалось нечаянно первое выступление Юрия Александровича. Юрий Александрович сказал, что приближается, навряд ли мы дошли до переучреждения нашего отечества. А мне вспомнился эпизод такого предперестроечного романа «Дата Туташхия» [исторический роман о дореволюционном грузинском обществе грузинского писателя Чабуа Амиразджиби]. Где-то высоко в горах добывают огромного тура, а потом его мясо надо как-то транспортировать вниз. Так вот, опытные герои делают это так: тушу расчлениают, ненужные куски отбрасывают, а нужные складывают обратно в шкуру примерно на те места, где они были при жизни. Оказывается, именно так удобнее всего.

Переучреждение нашего Отечества в конце 1922 года и было именно таким упаковыванием отрубленных кусков на те места, где они были при жизни. Какое-то время это держалось. Но то, что происходит сейчас, показывает, что это было не совсем правильно, что в таком переучреждении были некоторые коренные изъяны.

Мы все привыкли к тому, что историю пишут победители. Это нехорошо, это нечестно, но это так, мы все это знаем. Конечно, историю Гражданской войны в том виде, в каком она успела отпечататься в массах, конечно, написали победители. И до сих пор «Неуловимые мстители», демонстрируемые каждые два дня по телевизору, несопоставимо важнее, чем любые исторические исследования. Любые — хоть в ту сторону, хоть в другую.

Так вот, историю писали победители всегда, а сегодня картину нынешнего происходящего пишут совсем непривычные победители. Мы все уже знаем слово «фейк», мы привыкли говорить о сетевых новостях с должной степенью недоверия. Но мы ещё не осознали масштабов бедствия.

Вот только что произошла, по-моему, роковая история. Нам показали Голема. Только что хорошие люди, которые работали над искусственным интеллектом, из корпорации Мета, кажется, они создали такую хрень под названием «Галактика». Поместили её бета-версию в публичное пространство. Она способна порождать тексты по заказу: она может порождать якобы научные статьи, она может порождать статьи в Википедии, она способна порождать всё что угодно. Меньше чем через двое суток её выключили, потому что выяснилось, что именно она производит — она производит брильянтового качества фейки. Она производит фейки, которые живой человек не сразу, а может быть, и никогда не сумеет распознать. Спасибо её создателям, они убрали её через двое суток, но это же только первая ласточка. Через очень короткое время отличить фейк от не фейка будет заведомо невозможно. Не трудно, как сейчас, а невозможно.

Как с этим бороться, я пока не знаю. Единственное, что мне приходит в голову, страшно банально: тот самый *moralische Gesetz* [нем. моральный закон]. Ничего другого у нас просто не остаётся. Люди, склонные к апокалиптическому взгляду на мир, скажут, что это признак приближающегося конца времён. Чего не знаю, того не знаю. Но что с *moralische Gesetz* придётся поработать, на мой взгляд, совершенно очевидно.

Ещё раз всем большое спасибо! Всего доброго!

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 120
Война, которую не объявляют.
К 100-летию окончания Гражданской войны в России.

Редактор выпуска *Наталья Румянцева*

nikitskyclub@moex.com
www.nikitskyclub.ru